

Маша Ловыгина

ЩУЧКА

16+

Маша Ловыгина

Щучка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63681407

SelfPub; 2022

Аннотация

Знакомство с семьёй любимого человека – это всегда волнительно! Но Маша Рощина не ожидала того, что последует за первой встречей. Ведь начиналось всё вполне прилично – большой красивый дом в тихом уютном месте, интеллигентные родственники, разбирающиеся в искусстве, наследство, обладателем которого скоро станет её избранник, Костя Цапельский. Это ли не мечта для молодой художницы? Но всё пошло не по плану... Однако Маша не так проста, и наследство совсем не входит в список её желаний. Тихое место, Николаевское, полно тайн, а у неё достаточно характера и желания раскрыть их все.

Содержание

Пролог	4
1	9
2	15
3	24
4	32
5	43
6	57
7	68
8	80
9	91
10	103
11	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Маша Ловыгина

Щучка

Пролог

«Не пробуждай воспоминанья минувших дней, минувших дней.

Не возродишь былых желаний в душе моей, в душе моей...

Не возродишь былых желаний в душе моей, в душе моей...»

Звуки романса разливались в вечернем воздухе, заполняя собой сад, берёзовую рощу и поле, улетаая высоко в темнеющее небо, прямо навстречу сгущающимся тучам.

Будет гроза.

Первые раскаты грома уже пророкотали, когда она вышла из этого дома. Гости подпевали, и невозможно было с точностью определить, кто сейчас вторит великому Ивану Козловскому. Но кажется, все они сейчас на веранде и увлечены музыкой, разговорами и вином.

Птицы умолкли. Воздух отяжелел и наполнился озоном.

Оборки платья цепляются за траву под ногами, но ей не жалко японского шёлка. Бог с ним! Что значит испортить платье, когда жизнь летит в пропасть?

Ах, как ужасно, как несправедливо! Как ужасно!..

Который час? Она остановилась и прислушалась. Сквозь стволы берёз разглядела одинокую фигуру, сидящую на берегу пруда.

Ждёт?! Конечно... Каждый день, в одно и то же время... И сегодняшний вечер – не исключение.

Она крепко сжимает в руке тяжёлую малахитовую статуэтку в форме рыбки. Такая милая вещица. Почему она взяла именно её?

Она ступает неслышно, почти не дыша. Не дышать – это просто. Этому можно научиться. В груди успокаивается, в голове проясняется.

Комары совсем озверели. Жужжат похлеще ос. Уж-ж-жасно всё...

Она останавливается совсем рядом. Всего в шаге от... Смотрит. Дышит в унисон. Приходится дышать одним воздухом с... Гадость!

Этот ненавистный запах ландышевого одеколона – гадость! Как же так можно?! Она ненавидит этот запах... Он её просто душит, забирает последние капли кислорода, оседая в носу и на гортани приторными горькими нотами. Если сейчас это не прекратится, она просто задохнётся!!!

Быстрый взмах руки, и рыбка ныряет вниз с чавкающим звуком, разрывая верхний слой кожи и пробивая череп. У неё не остаётся сил, чтобы вытащить статуэтку из раны и ударить ещё раз. Уши моментально закладывает. Исчезла музы-

ка, и вообще всё затихло.

Тело под её ногами дёрнулось и обмякло.

Всё?!

Она стоит несколько мгновений, затем вздрагивает от чужого стога, но тут же берёт себя в руки.

«Всё».

Склонившись, впивается пальцами в тёплые вялые плечи и тащит тело к пруду. Ноги скользят в грязи. Ей хочется кричать и плакать, но она не станет этого делать, потому что это не помогает.

... Что было бы, если бы он всё это увидел?! А, всё равно... Дело даже не в нём. Уже не в нём.

Просто невыносимо видеть изо дня в день, как стремительно рушатся мечты, её мечты.

Он не приехал. Ему всё равно...

Самое тяжёлое – стащить тело в пруд. Но когда вода поднимается до колен, становится легче. Под ногами – коряги старых деревьев, и у неё волосы дыбом встают, когда толстые суковатые ветки касаются кожи.

Она погружает тело в воду, и на поверхности начинают лопаться пузыри, когда голова исчезает под слоем воды. Крупные капли дождя так внезапно замолотили сверху, что вся поверхность моментально покрывается серыми мутными лопающимися полусферами.

Тело в её руках тяжелеет и тянет за собой. Она видит, как ненавистные руки дёргаются в попытке подняться, но тут же

оседают и исчезают в мутной темноте.

Вода доходит уже до её груди, и внутри живота становится холодно и тошно. Оттолкнув от себя страшную ношу, она, почти нырнув, двигается обратно, старательно загребая ногами, чтобы не потерять туфли.

«Что сказать? Что?» – Пальцы судорожно бегают по ряду мелких пуговиц на шёлковом лифе, дрожь сотрясает всё тело, но, зубы крепко сомкнуты, а глаза зорко отслеживают любое движение вокруг.

Загрохотало так, что сердце трусливо толкнулось о рёбра горячим комком, словно хотело вырваться и убежать. Яркой вспышкой, осветив всё вокруг, небосвод прорезала кривая молния. За ней ещё одна, поменьше. Плотная пелена дождя превратила рощу в плотную тёмную стену с белеющими вкраплениями стволов. Новый громовой раскат, но уже эхом откуда-то справа, и теперь только ливень – густой и тяжёлый, как подсолнечное масло...

«Гори, гори, моя звезда,

Гори звезда приветная!

Ты у меня одна заветная,

Других не будет никогда...» – неслось с веранды.

«Дождь! Дождь! Гроза! Ура!!!» – гости с визгом и хохотом носились по лужайке, толкаясь и падая в мокрую траву. Ей вдруг показалось, что он среди них – обожгло, но тут же вернуло в жуткую реальность. Его нет. И ему всё равно...

Она с трудом открыла рот и хрипло произнесла: «Дождь...

дождь...». Затем побежала, неловко размахивая руками и путаясь в тяжёлом сыром подоле. Закружилась в пьяной весёлой толпе, подставила лицо и руки под неутихающий ливень и громко закричала, давась слезами и смехом, ощущая, как гулко и радостно бьётся сердце.

1

...Его бабушка курит трубку.

Эффектно оттопырив узловатый мизинец, держит длинный мундштук на ладони, выпуская дым прямо перед собой – мне в лицо.

Мило.

Я молчу и еле сдерживаю улыбку. Наверное, это нервное, потому что смеяться здесь нечему. Скоро придет вся семья, и вот тогда-то мне точно не поздоровится. Если Костина бабка так себя ведёт, чего ждать от остальных?

Не сдерживаю тяжёлый вздох. Где же Костя??

Софья Дмитриевна изучает меня, по долгу задерживая тяжёлый взгляд на лице, волосах и руках. Сама она выглядит, как английская королева – кокон благородной седины на макушке, крупные серьги в ушах, вокруг сморщенной шеи троекратно обёрнуто жемчужное ожерелье.

Цепляюсь глазами за перстни на её руках и пытаюсь сосчитать, чтобы отвлечься – на среднем и указательном пальцах правой руки их по две штуки, а ещё на мизинцах... Мда... Посуду она точно этими руками не моет. И мыла ли когда-нибудь вообще?

Сколько я уже сижу перед ней на этом неудобном стуле с выгнутой спинкой? Стреляю глазами в угол, где на крышке громоздкого рояля стоят старинные бронзовые часы – де-

сять минут?! Невероятно... Спина затекла, шея ноет. Инструмент инквизиции какой-то, ей-богу, а не стул! Сидение обито узорчатым атласом. Кроме того, что задница просто горит от жары, мне всё время кажется, что я с него съеду. За всё время – лишь одна фраза, произнесённая скрипучим голосом: «Доброе утро!»

Добрым оно было три часа назад, когда мы с Костиком проснулись и, прижавшись друг к другу под одеялом, с удовольствием поздравили самих себя с приятным началом нового дня. Это уже потом, принимая душ, я вспомнила о сегодняшней встрече с его семьёй. Нет, я не забыла, конечно, готовилась и переживала целую неделю. Купила конфеты, погладила вещи в поездку себе и Косте.

Конфеты лежат сейчас на столе и им явно одиноко. Надеюсь, королева-мать распорядилась, чтобы подали чай? Или здесь и чай подают строго по регламенту английского чаепития?

Дёргаюсь от осознания, что мои губы всё-таки предательски разъехались в улыбке. Моментально зачесался нос, затем спина и уши. Опускаю голову и теперь разглядываю собственные босоножки.

За дверью раздаются шаги, и я шумно выдыхаю.

– А вот и я! – Костя проходит мимо меня к родственнице и, склонившись, прижимает кисть её руки к губам.

Камни радужно заискрились, словно в детском калейдоскопе. Пять штук колец на одной руке! Пять, Карл!

– Софочка, ты прекрасно выглядишь!

Софочка?! Однако...

Приободряюсь и выпрямляю спину. Возможно, мне здесь ещё и понравится. Старушка, конечно, очень своеобразная и всё время молчит, но может у неё какое-то старческое... э-э-э... заболевание? А смотрит так внимательно, потому что не понимает, кто я, и пытается запомнить. Внешне она очень даже неплоха – суховатая, правда, но на жердь не похожа. Ресницы и брови оформлены и покрашены, лёгкий искусственный румянец в меру. Сколько ей? Восемьдесят, девяносто? Сегодня как раз и узнаю. Дай бог, как говорится, всем... Немудрено, что голова плохо варит. Буду её в сад вывозить, покрывать ноги пледом и подавать чай в фарфоровой чашечке... Потом она привыкнет ко мне, и мы станем вести беседы о чём-нибудь возвышенном. Старикам, говорят, нравится, когда их слушают.

– Вы уже познакомились поближе? – Костя улыбается мне и я, чувствуя его поддержку, уже не сдерживаюсь и тоже улыбаюсь в ответ.

Софья Дмитриевна кладёт трубку на медное блюдо перед собой и проверяет подвеску в ухе.

– Цапелка, ты же знаешь, хозяйством занимается Катя. Зачем нам новая прислуга?

– Ба, – щёки Кости краснеют, – я же говорил тебе – это Маша, моя... девушка.

Упс! Не знаю, что резануло меня сильнее – «Цапелка»,

прислуга или девушка.

С Цапелькой понятно. Наверное, это домашнее прозвище Кости. Его фамилия Цапельский. И всё же, на мой взгляд, как-то по-идиотски звучит. С прислугой, да, неприятно получилось. Один – ноль в пользу бабули, уколола. Но – девушка?! Вообще-то я планировала предстать перед семьёй в качестве невесты Константина...

Ладно, переживу. Сама же уверяла его, что не имею на него матримониальных планов. Дурочка с переулочка, ты, Маша...

Впрочем, уж ком-в ком, а в Цапельском я была уверена. Полгода, конечно, срок небольшой, но мы с Костей по-настоящему счастливы. И познакомились так вовремя. Можно ведь так сказать, не выглядя при этом меркантильной барышней? Серьёзно, Костя – мой подарок от ангела-хранителя, иначе не назовёшь. А то, что он из обеспеченной семьи, как бы бонус, наверное... Не мне, ему. Ещё непонятно что меня ждёт, но я уже благодарна Косте за то, что он именно такой – добрый и умный. И как бы не развивались события, я буду всегда ему благодарна за то, что было между нами.

Костя и Софья Дмитриевна озадаченно смотрят на меня. О Господи, по моей щеке бежит слеза, и выгляжу я, должно быть, глупо, уставившись на Цапельского затуманенным взором. Лично мне кажется, что так и должна выглядеть влюблённая дева. А я действительно влюблена и поэтому совсем дурная.

Всё у меня с Костей в первый раз. И вот теперь – знакомство с его семьёй. Моих он уже видел. Через месяц после того, как мы стали парой, посадил меня в машину, и мы поехали ко мне домой в Сажнево. Мои родители люди простые, мама фельдшер, а папа мастер на ткацкой фабрике. Простые и талантливые – папа пишет стихи, а мама изумительно поёт. Ещё есть младшие брат и сестра, школьники. Нормальная семья. И Костя им очень понравился.

Про себя он рассказывал мало, интересовался в основном детскими и семейными фотографиями, рассказами мамы, а потом вообще отправился с Олежкой, моим братом, мастерить крышу для голубятни во дворе. Отец аж прослезился. Вот и я в него – у меня путь от восхищения до слёз короткий.

Теперь пришло моё время предстать перед кланом Цапельских. Как же меня трясло, когда Костя объявил мне об этом! Даже не знаю от чего больше – от его желания представить меня, или от того, что в Николаевском я появлюсь вполне официально. Торжественный, надеюсь, момент пришёлся на грандиозный в рамках этой семьи день – день рождения Софьи Дмитриевны Цапельской. Тут следовало бы добавить – урождённой княгини такой-то, или фрейлины двора Его Величества...

Но в моей голове сейчас полный сумбур. Я не была готова к тому, что увижу здесь. Не зря меня колотило и драконило перед поездкой. Интуицию не обманешь. Чувствую, всё будет не так просто, как бы мне этого хотелось. И если учесть

все обстоятельства, то я только сейчас поняла, как может посмеяться судьба над нашими желаниями...

2

– Дивно, Кость! Мне уже всё нравится – бурчала Маша, пока они затаскивали чемоданы на второй этаж.

Вернее, Костя тащил чемоданы, а Маша шла впереди него и несла тяжёлую хрустальную вазу – подарок Софье Дмитриевне на день рождения. Оказавшись в доме, Маша сразу поняла, что хуже этого подарка мог бы стать только набор посуды или мультиварка, и слава богу, что она не поддалась первому желанию порадовать госпожу Цапельскую кухонной утварью.

Дом – полная чаша – это про хоромы Цапельских. Костя говорил, что эта дача построена ещё перед войной, а затем несколько раз переделывалась под желания и потребности домочадцев, став собственностью деда. Маша по-другому представляла себе дачи, а уж о том, чтобы пожить в столь дивном месте, и подумать не могла.

Центральная часть дома оставалась неизменной, и это было заметно по потемневшему от времени дереву, по просевшим, но крепким ещё брёвнам под большими вытянутыми вверх окнами. Перед центральным входом возвышались две колонны на манер русской усадьбы. Широкая лестница внутри напротив входной двери, за ней – гостиная с террасой и ступенями в сад.

А воздух какой! Не на улице, а в самом доме – очень мно-

го воздуха и света. И это удивительно, ведь дом старый, со следами промочек на выцветших обоях. Мебель деревянная, основательная, немецкая. Маша могла бы поспорить на что угодно, что пузатый сервант и группа оттоманок с изогнутыми ножками принадлежат руке Беренса. У неё аж ладони зачесались от желания разглядеть их поближе. Роскошные абажуры с золотистой тесьмой и малахитовое пресс-папье на стойке у входа. Не хватает только журнала для гостей и небрежно брошенного поперёк страниц гусяного пера.

Всего здесь с излишком: и тканей, и мебели, и пыльных бронзовых статуэток с мутной патиной, покрывающей поверхности, и громоздких картин с серебристыми паучьими сетями по углам. И всё равно дышится здесь полной грудью, и хочется запеть что-нибудь эдакое – «...отцвели уж давно хризантемы в саду...» Весь старый дом дышал уютом: просмоленным деревом, черепичной крышей, высокими потолками и густой атмосферой прошлого. Не каждому дано понять и уловить эту красоту, не у каждого занает сердце от сладковатого запаха и скрипучей музыки подобного места.

Маша покрутила круглую ручку двери, когда они выходили из гостиной, чтобы убедиться в том, что это слоновая кость. Софья Дмитриевна осталась в комнате. Так и сидела, не попрощавшись, выколачивая из трубки табачный пепел на круглую медную тарелку.

– Про прислугу она пошутила, конечно? – спросила Маша.

– Э... У нас есть Катя. Она работает и живёт здесь всё время. Готовит, убирает. Сама понимаешь, дом очень большой, работы много. И Софа последние годы не покидает дачу. Есть ещё Борис Егорович, он живёт недалеко и каждый день приходит сюда, чтобы помочь с садом и ремонтом. И вообще по разным вопросам... Ты познакомишься с ними чуть позже. Хорошие люди. Катя приготовила комнаты, так что пойдём заселяться.

Деревянные ступени тихонько поскрипывали под их ногами. Звук был глухой, смягчённый вытертым ковровым покрытием когда-то насыщенно-бордового оттенка, а сейчас приобретшего цвет «Джеральдин», ну или незрелой клюквы, как видела его Маша. Она остановилась на площадке перед следующим пролётом, уставившись на картину в золотистой раме. Костик ткнулся ей в спину.

– Костя, это нечто!

На картине был изображён осенний сад в лучах заходящего солнца. Краски были тёплыми, осязаемыми, словно дышали запахами нагретой земли и пожелтевшей умирающей зелени. Совсем другие, нежели на мрачноватых картинах внизу.

– Этюд в багровых тонах? Дед рисовал. Раньше он у него в кабинете висел, но Сима распорядилась перевесить. Дед, конечно, мастер был.

– Не то слово, Кость... Выставлялся? – с интересом спросила Маша, вглядываясь в уверенные мазки на холсте. – Про-

сти, не слышала о нём как о художнике. – В правом нижнем углу серебрилась витиеватая подпись с хвостиком «Цап...».

– Он же архитектор. Рисовал на досуге, – Костя поднялся на одну ступеньку выше и сейчас дышал ей в шею, щекоча завитушки волос. – Если хочешь, я покажу тебе. Работ много, часть незаконченных... Они в его кабинете.

–О, – Маша уважительно кивнула, – твой дед был очень талантлив. А ты в кого пошёл? – Она хитро улыбнулась, обернувшись через плечо и посмотрела Костику в глаза.

Какой же он чудесный! Кареглазый, с тёплыми веснушками и непослушным каштановым вихром на макушке. Так бы и зацеловала!

– Я, конечно, не художник, – пожал плечами Костя и приотворно вздохнул. – Но, как видишь, природа не терпит пустоты, и художник у нас всё равно появился. Это ты!

Костик работал вместе со своим отчимом, Аркадием. Они занимались производством и продажей мебели. Собственно, в одном из магазинов Маша и познакомилась с Костей Цапельским. Пришла выбирать диван, но так и не смогла найти подходящий в свою комнату. То размер неудачный, то качество, то цена... А Костя как раз приехал проверять работу на местах, ну и помог с выбором. Сам оформил бесплатную доставку и позвонил потом, чтобы узнать, понравилось ли. Конечно, понравилось! И диван, и Костя... Счастливый случай!

Комнату в коммунальной квартире Маше помогли купить

родители. Зарплата в краеведческом музее была маленькая, но Маша Рощина не сетовала, брала заказы, занималась реставрацией старинной мебели и картин в мастерской своего учителя Фёдора Кузьмича Балясина, известного в городе художника. Балясин был одинок и относился к студентам потечески. Кроме неё ещё полгруппы бывших учеников постоянно обретались у Фёдора Кузьмича, так что Маше иногда казалось, что она так и не окончила училище, и сессия начнётся со дня на день.

Эта поездка пришлась как нельзя кстати – Балясин позволил накануне и радостно объявил Маше о том, что она может совместить поездку с возможностью заработать. Одному из его знакомых, живущему за границей, захотелось иметь пару картин руки молодого дарования. А раз уж Маша окажется в Николаевском, где его знакомый раньше снимал дачу, так ей и карты в руки. Пусть это будут небольшие эскизы, портреты, пейзажи – всё, что расскажет заказчику о том, чем и как живёт Николаевское сегодня. Машу это задание воодушевило – нечасто удаётся взять именно заказ, а сделать эскизы на природе в отпуске так вообще огромная удача. Тем более, что любимый человек будет рядом.

С Костиком у неё вообще оказалось много общего. Он хоть и не был художником, но видел качество и оценивал труд с позиции знатока, а не торговца. Это было удивительным открытием для Маши, и теперь всё встало на свои места. Разумеется, гены деда-архитектора бурлят в крови его

потомка.

Отпуск Маши совпал с желанием и возможностью Кости провести неделю в Николаевском, где и находилось, так сказать, его родовое гнездо. Лишь о том, что существует ещё одна причина приехать в Николаевское, Маша тактично умолчала. И это далось ей с огромным трудом.

Они поднялись на второй этаж и оказались в длинном холле, где Костя поставил чемоданы на пол.

– Так, Мар-р-ия, – шутливо прорычал он и, развернув девушку к себе лицом, положил руки ей на плечи, – сейчас мы быстро раскидаем вещи, и я покажу тебе сад. Погуляем немного, пока остальные не приедут. Катя готовит на кухне, а Сима, кажется, отправилась что-то докупить. Мы приехали раньше, но остальные придут к назначенному времени.

– Ох ты ж... – Маша состроила гримасу, старательно отворачиваясь, чтобы Костя не заметил, как она нервничает.

– Да не переживай ты так! – Костя рассмеялся и, ухватившись за ручку чемодана, потащил его в сторону одной из дверей, самой дальней. – Что ты в него напихала? Я думал, дно машины провалится от тяжести!

– Краски, кисти... – девушка провела ладонью по деревянным перилам и задумчиво посмотрела на осенний пейзаж. С высоты лестницы он смотрелся ещё эффектнее, и от него словно исходило золотистое сияние.

– Надо было тебя предупредить, что от деда осталось много чего. В кабинете есть мольберт и остальные прибабасы.

Ты идёшь?

– Надо было сказать, что ты, брат, аристократ, – тихо проговорила Маша и оторвалась наконец от картины.

– Глупости какие! Заходи! – Костя толкнул дверь и озадаченно замер.

Вся комната была заставлена разномастной мебелью и была похожа на склад: рядом с тонконогой этажеркой возвышался громоздкий полтораметровый деревянный сундук (подобный стоял в музее в экспозиции «русский купеческий быт 18 века»), дубовый шкаф с облупившейся краской зиял открытыми дверями, обнажив пустое нутро. В зеркале кособокого трюмо отразилось вытянутое лицо Кости и заинтересованное – Маши.

Цапельский поставил чемодан и задумчиво прошёлся взад-вперёд.

– Костик, это... это... великолепно! – восхищённо воскликнула Маша.

– Да? – неуверенно произнёс Костя и скептически заглянул в шкаф.

– Конечно! Посмотри, какой вид! – Маша ткнула пальцем в сторону окна.

– Дед сам всё проектировал и перестраивал. Много ездил за границу и оттуда привозил идеи и вещи. При нём это крыло подремонтировали, поменяли сантехнику и поставили новые рамы. Тоже деревянные, копии старых, а-то они рассыпаться начали из-за древоточца. – Костя открыл окно

и внутрь ворвался тёплый ветер.

Шторы заколыхались, в стекло врезался крупный шмель и тут же, с сердитым жужжанием, полетел восвояси.

– А первый этаж Софа запретила трогать. Велела оставить в том виде, какой был при деде, – закончил Костя.

– И это просто здорово! Здесь очень красиво... – Маша села на узкую кровать, покрытую вязаным покрывалом. – Ой, как же мы с тобой здесь поместимся? – повертела в руках маленькую подушку.

Костя обернулся и смущённо развёл руками.

– Такое дело, Маш. Ба очень строгих правил. Ну ты понимаешь... Моя комната первая от лестницы. Мама с Аркадием останутся внизу. Там же и комната Серафимы, рядом с покоем ба. А дядя Жорж с Натали останутся на нашем этаже. Ты, главное, не переживай, я ведь рядом!

– Что ты, Цапелка, я даже рада! – Маша показала язык. – Во сне ты жутко храпишь. И я наконец-то выплюсь!

– И когда ты выспишься... – Костя поиграл бровями. Вихор на его макушке качнулся из стороны в сторону в такт голове.

– Цапельский, я всегда только за!

– И это мне очень нравится! Зайду за тобой через полчаса, осваивайся! – Костя обвёл рукой пространство. – Катя просила помочь ей в саду. Буду за садовника. И машину надо переставить, а то скоро Жорж появится и замучает своими нравоучениями.

Когда дверь закрылась и послышалось шуршание второго чемодана, Маша огляделась.

– Жорж, Натали, садовник... pourquoi pas?*

Маша легла грудью на широкий подоконник и зажмурилась, подставив лицо солнечным лучам.

**почему бы и нет (франц.яз.)*

3

– Это вы с котиком приехали?

Маша открыла глаза и, щурясь, попыталась разглядеть человека, стоящего внизу. Пришлось потереть веки, чтобы избавиться от ярких красных вспышек, вызванных солнцем. Она приложила козырёк ладони ко лбу и посмотрела вниз.

– Я никакого котика не привозила.

Под окном стояла высокая стройная женщина в длинном сером платье с камеей у горла и тощей косицей вокруг головы.

– Я сказала – с Костиком, – спокойно ответила женщина, рассматривая Машу.

– Ах...ох... – Маша рассмеялась. – Извините! Голову, наверное, напекло немного. – Да, мы вместе приехали. Я – Маша Рощина. Девушка Кости...

– Ну здравствуйте, Маша.

Женщина качнула головой, и Маша не поняла, что она имела в виду под этим покачиванием. Больше она ничего не сказала, а направилась в сторону, быстро скрывшись в густых зарослях жасмина.

– Здравствуйте! – запоздало крикнула Маша. – Приятно было познакомиться... А как вас...

Вздыхнув, Маша стала разбирать матерчатый чемодан и развешивать одежду на плечики в шкаф. Вещей было немно-

го: сарафан, шорты, пара футболок и ветровка. Теперь её мучила мысль о том, в чём пойти на праздничный ужин. Сарафан бы подошёл для уютной дачной компании и шашлыков на улице, но что-то подсказывало, что без кринолина её здесь просто не поймут. И ведь спрашивала Костю: что взять с собой! А он только отмахивался и весело добавлял, что, мол, это дача, вольные хлеба... Хлеба?! Английский пудинг тебе, Цапелюк, в глотку!

Закончив, Маша вышла из комнаты и замерла в коридоре, прислушиваясь к звукам, царившим в доме. Звукам и запахам. Невольно сглотнув, Маша потянула носом – мясо... что-то печёное, что-то тушёное... Лишь бы не пареное, и не на воде. Аппетит у Маши был хороший и не испорченный новомодными диетами и направлениями. Ещё один их с Костей общий пункт в отношениях.

Так, первая дверь – это комната Цапелюцкого. Маша заглянула внутрь и увидела чемодан, брошенный посередине. Здесь царил классический порядок – всё, кроме багажа, стояло и лежало на своих местах. Даже поверх подушек на его кровати была накинута белоснежная кружевная салфетка. Оно и понятно – любимого Цапелюку всегда ждут в этом доме. А вот Маша свалилась на голову его домочадцам, как снег посреди лета.

Кости в комнате не было. По всей видимости, он, как и говорил, сейчас находится в саду, и у Маши не было никаких причин торчать в «своей» комнате, дожидаясь, пока её выве-

дут в люди. Если уж неделя на даче Цапельских – вопрос решённый, то следует каким-то образом обозначить здесь своё присутствие. А для начала познакомиться с теми, кто уже здесь.

Тихонечко напевая себе под нос «...что же ты ищешь, мальчик-бродяга...», Маша спустилась по лестнице вниз и самым естественным образом направилась к кухне. Аппетитные запахи просто сбивали с ног, и сопротивляться им было бесполезно. Миновав закрытые двери гостиной и задержавшись ненадолго у настоящей китайской вазы с воткнутыми в неё сухими колосьями, Маша наконец пересекла небольшой коридорчик и оказалась перед входом в просторную кухню.

– Здравствуйте! – Маша постучала по деревянной балке, привлекая к себе внимание статной женщины, стоявшей спиной к ней и помешивающей что-то в огромной кастрюле.

Отложив деревянную ложку, женщина обернулась, и Маша восхитилась её лицом. Её всегда привлекали такие лица – запоминающиеся, характерные. Ей нравилось искать сходство между современниками и историческими образами. Тут она несколько не сомневалась – на ум моментально пришло имя Надежды Аллилуевой, жены Сталина. Тёмные волосы на пробор, красивые глубокие глаза в обрамлении чёрных ресниц.

– Здравствуйте, – женщина подошла к Маше, вытирая руки о передник, и вблизи стало понятно, что она уже почтен-

ного возраста. Просто морщин было немного – самые глубокие появлялись, когда она приподнимала брови или улыбалась. Но овал не оплыл, и скулы ещё вполне читались на лице. – Вы...

– Маша, девушка Кости, – Маша почти смирилась с этим званием, подумав, что полгода знакомства, пожалуй, не такой уж большой срок, чтобы торопить события и вешать ярлыки.

– Очень приятно! А я Катя, домоправительница. Можете так и обращаться ко мне. Ненавижу напоминания о возрасте с этими отчествами...

Маша хотела возразить и сказать, что отчества работают и как признак уважения, но спорить не стала. Катя так Катя!

– Чайку? – женщина предложила стул и вернулась к плите.

– Что вы готовите? Я от этих ароматов просто с ума схожу! – Маша закрутила головой, разглядывая кухню. – Как у вас здесь всё устроено здорово! А вот это окно с видом на сад – просто мечта любого городского жителя! Хотите, я помогу вам посуду помыть?

– Благодарю, но нет, – решительно произнесла Катя и включила чайник. – Кухней занимаюсь только я.

Маша заняла место за широким рабочим столом и сложила перед собой руки, как школьник-отличник. Половину столешницы занимали блюда, покрытые хрустящими салфетками. Пирог, заливное...

– Неужели вы всё это сами приготовили? Гостей много

будет?

– Нынче нет. А вот раньше здесь такие большие компании собирались, вы даже представить себе не можете! – мечтательно произнесла Катя. – Танцевали и пели, играли на рояле и в фанты... Все молодые, красивые... Софья Дмитриевна была звездой на таких вечерах. Вы в курсе, что она ученица Артура Рубинштейна?

– Который скрипач?

Перед Машей появился чай, и дно чашки жалобно стукнулось о блюдо в ответ на её вопрос.

– Знаменитый пианист, – Катя пододвинула корзинку с печеньем и укоризненно поджала губы. – В этом доме с огромным уважением относятся к искусству. Даже не так – его обожествляют... Если бы Костик не был настолько увлечён бизнесом, то мог бы стать потрясающим музыкантом, как его бабушка и тётя! – Катя восторженно закатила глаза, став сразу же похожа на одну из средневековых мадонн. В возрасте, конечно, но всё же...

Маша отхлебнула крепкий чай со смородиновым привкусом, когда на пороге появился Цапельский. Лицо его размянилось, волосы прилипли ко лбу, но улыбка от уха до уха объявляла о том, что Костя абсолютно доволен жизнью.

– Я её ищу, понимаешь, а она тут плюшками балуется! Идём! У нас очень мало времени осталось. Скоро все придут, звонили уже.

– Костя, милый, ты бы переоделся, мальчик! Посмотри,

как взмок! – Катя с любовью смотрела на Цапельского, сложив руки на животе.

– Пасиб! – Маша сунула в рот печенье и вылетела из-за стола, на ходу раскланиваясь с Катей.

Костя широко шагал своими ногами-ходулями, а Маша подпрыгивала рядом и комментировала увиденное, вытирая с подбородка сахарную пудру.

– Кость, ты мог бы стать великим музыкантом! Слышишь? А вдруг это в тебе проснётся однажды ночью? Мне уже пора начинать бояться?

– Это Катя тебе про меня наговорила? Она всё детство со мной нянчилась. У неё же никого нет, понимаешь? И живёт она здесь очень давно – лет сто, наверное! Мы все для неё семья.

– Ого... Кость, сколько же ей лет? Она очень хорошо выглядит, честно.

– Ну смотри, – он задумался, – ба – восемьдесят пять исполняется, значит Кате шестьдесят пять.

Они шли вдоль сада, которому тоже было уже очень много лет. Пеньки старых яблонь и слив ещё виднелись неподалёку от дома, но чем дальше Маша и Костя уходили вглубь, тем плотнее смыкались кроны деревьев, образуя тенистый шатёр. Сад плавно перетёк в берёзовую рощу, испещренную узенькими тропинками, вьющимися между деревьев. Маша закрутилась вокруг белого ствола, задрав голову и чуть не свалилась от переполнявших её чувств.

– Цапелька, как же здесь хорошо!

Костя грыз травинку и улыбался.

Когда и роща закончилась, они вышли к большому живописному пруду. Тёмная гладь его шла мелкой рябью, и упавшие листья трепетали, словно одинокие кораблики, подгоняемые ветром.

– О, вода!!! – Маша, на ходу расстёгивая рубашку, кинулась к берегу. – Костя, давай купаться! Раздевайся, здесь никого нет!

Но Костя хмуро стоял на некотором отдалении и ближе не подходил.

– Ну же, Цапельский! – Маша, оставив рубашку в покое, вернулась к Косте. – Я знаю все твои фобии – высота и вода. Смириться с тем, что мы никогда с тобой не окажемся вместе на яхте и в горах прискорбно, но я не теряю надежду. Ты хоть ноги помочи, что ли. Жарко ведь!

– Маш, дело совсем не в этом...

– Эй, закурить есть? – откуда-то сбоку появился мужчина, от которого волной исходил запах перегара и давно немытого тела.

– Нет, – коротко ответил Костя, загоразивая Машу.

Мужчина некоторое время постоял, гнусно ухмыляясь, затем присел на корточки и, набрав воды в грязную ладонь, несколько раз прополоскал рот и сплюнул обратно в пруд. Умывшись, поднялся и двинулся в противоположную сторону, туда, где возвышалось здание санатория.

– Цапельский, ты прав, дело тут совсем не в твоих фобиях, а в моих, – Маша брезгливо поджала губы, глядя на место, где сидел мужчина.

– Я тебе расскажу одну историю, и ты больше не будешь надо мной смеяться... – Костя моргнул и неприязненно посмотрел в сторону пруда.

«Костя! Иди домой!» – донеслось до них, и Маша, вздрогнув, сжала ладонь Кости.

4

Как только они вошли в берёзовую рощу, справа послышалось шуршание травы. Навстречу им вышел парень – загорелый, с копной светлых вьющихся волос. Маша успела только подумать о том, что тихое место, как называл Николаевское Костя, всюю кишит аборигенами, и поэтому уже не кажется таким романтичным. Паренёк остановился, упёр руки в бока, а затем протяжно свистнул и хлопнул руками по ляжкам.

– Тю, какие люди!

Костя кашлянул.

– Люська, ты?

Маша стояла, открыв рот, и в недоумении разглядывала знакомого Кости.

– Я, – просто ответил парень.

– Маш, это Люсьен.

– Очень приятно. Имя у вас такое...э-э...запоминающееся.

Парень хмыкнул, а Костя снова взял Машу за руку.

– Нам пора.

Маша пару раз оглянулась, заметив, что Люсьен смотрит в их сторону, и хотела даже помахать, но не стала этого делать, потому что Костя буквально тащил её в сторону дома, словно хотел как можно быстрее покинуть рощу.

– Кость, мне больно, – Маша выдернула руку и топнула ногой.

– Извини, Мань, – Костя выдавил из себя улыбку, – нервничаю.

– Почему? – Маша легко коснулась щеки Кости и заглянула в его глаза. – Из-за этой встречи? С Люськой? Господи, это ж надо так назвать ребёнка... Вот я назову по-простому, но со смыслом. Первого – Сашей. Или первую...

– Как моего отца, – кивнул Костя и улыбнулся во весь рот, так, что появились ямочки на обеих щеках.

Чем ближе они подходили к дому, тем явственнее Маша чувствовала, как трясутся у неё поджилки. Не помогало ни глубокое дыхание, ни тёплое крепкое пожатие ладони Кости.

Во дворе стоял мощный джип, а рядом с ним – мать Кости. Маша видела её на фотографии в квартире Цапельского. Женщина была в длинном цветастом платье, тёмных очках и в элегантных туфлях на высоком каблуке. Длинные локоны цвета «морозный каштан» волнами лежали на её плечах.

– Ма, привет! А где Аркадий?

– Живот прихватило, побежал в дом. А всё потому, что лопает всякую дрянь. Перед отъездом гамбургер сожрал, как будто дома холодильник пустой.

– У тебя там только ростки пшеницы. – Костя подтолкнул Машу чуть вперёд и положил ей руки на плечи. – Знакомься, это Маша. Моя девушка. А это моя мама, Дарья Михайловна.

Дарья приспустила очки и поверх них взглянула на Машу.

Глаза у неё были необычного цвета – фиалкового. Почти такие же, как у Элизабет Тейлор.

– Дашенька, душенька! – Аркадий бежал от дома, перебирая короткими ножками и потирая полные ладошки. – Константин, привет! Сударыня, – подмигнул Маше. – Дашенька, что же ты не идёшь в дом? Я вещи сейчас перетаскаю.

Дарья вытащила тонкую сигарету и закурила, разглядывая окна дома.

– Ноги не идут, Кока. Как представлю, что увижу старую перечницу, хочется сесть обратно в машину и свалить.

– Душенька, ну ты чего? – Аркадий засуетился, открывая багажник и вытаскивая сумки. – Софья Дмитриевна так добра к нам... Тебя всегда рады видеть!

Не ответив, Дарья отбросила сигарету и зашагала к дому, морщась, когда каблучки попадали меж каменной кладки дорожки.

Маша вздохнула – попробуй понять этих родственников – понравилась она им или нет...

В незакрытые ворота въехал ещё один автомобиль – жемчужно-серый «вольво». Встав в один ряд с джипом, сверкнул на солнце стёклами.

– А вот и дядя Жорж с Натали... – Костя помахал им рукой и спросил Машу, словно почувствовав её настроение. – Мань, ты, главное, не переживай. Они нормальные люди. Просто с трудом привыкают к новым лицам. Потерпи немного.

Маша кивнула – потерпеть можно, но уж очень не хотелось снова ловить на себе высокомерные взгляды.

Импозантный мужчина с орлиным профилем и его спутница – полноватая блондинка с бледным и каким-то рыхлым лицом – не спеша подошли к ним.

– Костик, милый, рады встрече! Почему ты к нам не приходишь? Галочка постоянно спрашивает о тебе. Ты не передумал? Моё предложение о работе в силе. Неужели ещё не надоело дышать древесной стружкой?

Костя пожал руку дяде Жоржу. Машу, казалось, никто из них не заметил. Но Костя был настойчив. Он опять назвал Машу своей девушкой, и Натали, наконец, коротко кивнула, а Жорж скользнул по ней напряжённым взглядом.

– Очень рад, – холодно поздоровался он.

Когда закончился обмен любезностями, Жорж с Натали направились в дом, а Маша не выдержала и спросила:

– Кость, ты уверен, что я должна здесь быть?

– Более чем, – Костя сжал зубы.

– А кто такая Галочка? – не отставала Маша.

– Моя невеста, по мнению семьи.

Маша охнула, округлив глаза.

– Пойдём, – Костя крепко ухватил её за локоть и потащил за собой.

– Пожалуйста, только не делай скоропалительных выводов, хорошо? – Костя шипел в спину Маше, когда она почти бегом поднималась по лестнице.

– Костя, а что я должна думать?! – Маша еле дождалась, пока за ними захлопнулась дверь. – У тебя, что, правда есть невеста?

– Конечно же нет! – Костя приложил ухо к двери и прислушался. – Я сейчас тебе кратенько обрисую всё... – он сел на кровать и похлопал по месту рядом с собой. Но Маша осталась стоять, нахмутив брови и чувствуя, как горят её щёки. – Дядя Жорж – троюродный племянник моего деда. Из всего рода Цапельских по мужской линии остались только мы с ним.

– А как же Чарльз? – усмехнулась Маша.

– Какой Чарльз? – растерялся Цапельский.

– Английский принц, Костя... Я не понимаю, о чём ты мне сейчас толкуешь – род, мужская линия... Скажи ещё, династия...

– Смешно, Машунь! Я всё понимаю. Но... – Костя заёрзал, – дело в завещании.

Маша ждала.

– Это огромное состояние, Мань. И оно должно принадлежать только прямым потомкам Цапельских. Галочка хорошая, – Костя пожал плечами. – У Жоржа с Натали других детей не получилось... У Софы родился мой отец, а я появился, когда ему было под пятьдесят. Тётя Серафима так и не вышла замуж. Получается, что я единственный прямой наследник, и желание Жоржа, чтобы мы поженились, вполне понятно... Он адвокат, у него своя контора, и он наверняка

в курсе всех тонкостей наследования. Разумеется, он хочет, чтобы деньги остались в семье...

– И поэтому готов подложить под тебя свою дочь? А она что думает об этом?

– Да Галка мелкая ещё, только школу закончила. – Отмахнулся он.

– Знаешь, что?! – Маша упёрла руки в бока.

– Подожди, Рощина, послушай! – Костя встал и попытался обнять её. – Я люблю тебя, Мань! Честно, никогда не думал, что вот так со мной случится, чтобы с первого взгляда... всю жизнь мне вдалбливали, что я должен учиться и работать ради семьи. Но я знаю, что меня любят. И тебя тоже полюбят. Ты же идеальная, и семья у тебя хорошая, правильная! Такая – настоящая. И детей мы родим. Я готов отказаться от всего, и от наследства, кстати, тоже. Только ты не отказывайся от меня, ладно? И верь.

Маша уткнулась в плечо Кости.

– Скажи, а почему ты так холодно разговаривал с Люсьёном?

– Ты не подумай, Люська – отличный парень, – убеждённо сказал Костя. – Просто столько лет прошло. Я полмира объездил, а он всё так же, получается, в Николаевском живёт. Мы с детства дружили. Но потом случилась одна история...

– Что? Что случилось? – Маша вынырнула из-под руки Кости.

– Не хочу об этом говорить.

– Ну?!

Костя на мгновение замер. Взгляд его поплыл, словно он увидел что-то перед собой. То, что вызвало на его лице это болезненное выражение со смесью гадливости и ужаса.

– Не молчи! Что с тобой?

– Тяжело вспоминать... Это из-за Зины, п-понимаешь?

Маша отстранилась ещё больше, вглядываясь в лицо Цапельского. Когда Костя нервничал, он начинал немного заикаться. Маша замечала у него дефект пару раз, но лишь сейчас это по-настоящему её испугало.

– Мы к-купаться пошли, а она в-в-сплыла... А в-все думали, что у-уехала... С-страшно было...

– Ой, Костя, – Маша обхватила его за плечи, легонько потрясла, а затем прижалась щекой к груди. – Ш-ш-ш... Всё, всё... Ничего больше не говори. Это же давно было, правда? Вот и забудь... Не надо об этом думать. Смотри, я вот в этом сарафане буду, нормально? – метнулась к шкафу и вытащила хлопковый наряд в оборках. – Не слишком просто?

Костя похлопал ресницами и сфокусировал взгляд на Маше.

– Во всех ты, душечка, нарядах хороша! – уже совершенно спокойно продекламировал Костя.

– Это точно не про меня! Душечка – твоя мама...

Костя демонстративно закатил глаза.

– погоди, сейчас она дёрнет пару бокалов, и ты её не узнаешь. Хоть спиртное и противоречит ЗОЖ, но маман ест пра-

вильную еду исключительно из желания оставаться вечно ху-
дой и вечно молодой.

– У неё это здорово получается! Выглядит как девочка. Я даже закомплексовала, – надула губы Маша.

– Мань, я в тебе люблю каждый грамм твоего тела, – Костя приподнял Машу над полом и жарко поцеловал.

В дверь постучались.

– Костик, ты здесь? – Катя стояла в проёме и обмахивалась платком. – Машенька, если вы не против, помогите мне, пожалуйста. Такая жара сегодня, да ещё плита работает с раннего утра... Не откажите, а мне будет очень приятно. Остальные отдыхают у себя. Вот и Косте не мешало бы прилечь. Глазки уставшие. И потом, он всегда спит перед обедом, когда приезжает.

– Катя! – Щёки Кости заалели, но было заметно, как приятно ему такая забота.

Маша сдержалась, чтобы не прыснуть от смеха, но затем вежливо ответила:

– Разумеется, Катя! Я только хотела переодеться.

– Я подожду внизу. И фартук вам дам. – Катя закрыла дверь, а Маша в беззвучном хохоте несильно ударила Костю кулачком по груди.

– Цапельский, серьёзно? Будешь сейчас возлежать перед обедом? Только попробуй эти свои барские привычки в город привезти!

Вытолкав Костю за дверь, Маша быстро переоделась и

спустилась вниз.

...— Этот стол стоит на веранде уже много лет, — Катя провела рукой по дубовой столешнице, покрытой лаком. — За ним такие люди сидели, что... — покачала головой. — От одних фамилий голова кружится! А ведь я их в лицо видела, разговаривала. Художники, музыканты, певцы, профессора и академики. Николай Августович Цапельский, упокой господь его душу, — Катя перекрестилась, — такой замечательный человек был! Талантливый, умный, широкой души... А какой красавец! Костик весь в него — высокий, статный... Николай Августович души в нём не чаял. Ах, какой же он был замечательный! Вся душа его в этих картинах — светлая, тонкая... Глыба, а не человек, вулкан идей...

На веранде было хорошо. Резные деревянные решётки спасали от солнечных лучей, пробирающихся даже сквозь кроны деревьев, и отбрасывали спасительную тень на натёртый до блеска дощатый пол. Маша помогла раскинуть белоснежную скатерть, украшенную по углам вензелями из ручного кружева, и расправила её на углах, любуясь тончайшими переплетениями узора.

— Кого это ты, Катюша, нахваливаешь? — вошла утренняя незнакомка. Сейчас на ней была светлая хлопковая блузка, застёгнутая под горло, длинная юбка, и всё та же коса, обёрнутая вокруг головы.

— Папеньку вашего поминаю, — Катя сложила руки на груди и внимательно оглядела поверхность скатерти.

– Вы – Серафима Николаевна? – Маша постаралась, чтобы её голос не дрожал. – Вы извините меня, я не успела сказать тогда, кто я... А вы уже ушли... Я Маша, – она решила пропустить фразу о том, кем приходится Косте, и продолжила уже совсем просто, – приехала с Костиком на несколько дней. Никогда не была в Николаевском, но много слышала об этом месте. Здесь чудесно!

Серафима обошла стол и приблизилась к Маше. Встала, склонив голову к плечу, чем сразу же напомнила курицу, которых у Машинной матери водилось с десятков. Глаза у Костиной тётки были такие же круглые, чуть на выкате, как у старухи Цапельской, какого-то застиранного голубого цвета. Просто удивительно, что Костик такой красавчик. Как Катя говорит – в деда пошёл. Тётка же оказалась точной копией Софьи Дмитриевны. Впрочем, по молодости такие вот девушки отличаются как раз удивительной способностью нравиться из-за своей почти прозрачной хрупкой красоты.

– Здравствуйте, Маша. – Серафима поправила причёску, быстро пробежавшись вдоль переплетённых жгутов из седых волос, и произнесла, обращаясь, по-видимому, к ней же. – Я помню ещё те времена, когда девушки встречались с молодыми людьми только в присутствии взрослых. Упаси Господь было оказаться в двусмысленной ситуации и, тем более, так явно охмурять мужчину. Впрочем, так было не везде, конечно. Но в нашей семье и в обществе было принято сначала знакомиться, а потом общаться с одобрения близких. Нынче

всё смешалось, не осталось никаких принципов! – Серафима скорбно поджала вялый рот.

Маша бросила напряжённый взгляд в сторону Кати, но домоправительница увлечённо бегала туда-сюда в гостиную и обратно, не мешая им общаться.

– Вам было бы полезно, Машенька, почитать что-нибудь о нормах морали. В подобных книгах очень много важного и нужного для таких, как вы... – твёрдым голосом продолжила Серафима.

– Таких, как я?

– Таких, как вы, Машенька. Щучек.

Тени сместились. Несмотря на тёплый, почти горячий воздух, наполнивший веранду, Маша чувствовала озноб. Холодными пальцами она провела по щеке, смахивая какое-то мелкое насекомое, и вздрогнула всем телом, когда вернулась Катя. В руках у домоправительницы был поднос с высоченной стопкой фарфоровых, украшенных золотым ободком тарелок. Когда поднос оказался на столе, и тарелки тоненько звякнули, Маша будто отмерла и ухватилась за деревянное перильце в попытке отогнать головокружение.

– Машенька, расставляйте посуду и раскладывайте приборы, – ровный певучий голос Кати звучал как будто издалика. – О чём вы задумались?

Маша увидела прямо перед собой глаза Кати – карие, тёплые, обеспокоенные.

– Что она вам сказала, какую-то гадость? – участливо спросила домоправительница.

– Что вы, нет... Просто очень душно. Голова закружилась, – Маша перевела взгляд на посуду и подошла к столу. – Какой красивый сервиз! – она подняла верхнюю тарелку и перевернула её. – Одна тысяча восемьсот девяносто третий год? Господи, к ним прикасаться страшно, не то что есть из них...

– Так и не часто достаём, Машенька. После смерти Нико-

лая Августовича только пару раз в году – на день рождения Софьи Дмитриевны и на Рождество. Расставляйте, а я фужеры и бокалы принесу. На девять персон, – уточнила Катя и обернулась в дверях. – Хорошо, что вы приехали. Нечётное количество гостей – это правильно. Это к добру.

Маше хотелось в это верить, но обстоятельства пока складывались явно не в её пользу.

Она поставила тарелки в ряд стопками, затем открыла тяжёлый бархатный футляр, который Катя тоже водрузила на стол. Не удержалась и, пододвинув стул, села. С интересом стала изучать столовое серебро Цапельских. В краеведческом музее были подобные наборы, но в них постоянно чего-то не хватало – то ножа для рыбы, то десертных вилок, то щипцов. Этот же набор – с клеймом московской ювелирной мастерской Фаберже был абсолютно цел. Что ж, пожалуй, страх Серафимы за Костю понятен. Ещё бы, с таким-то наследством... Да она бы любую подозревала на месте Маши Рощиной. Или нет? Вот Галочка для них – самый оптимальный вариант...

Маша принялась расставлять тарелки и раскладывать приборы, радуясь, что уроки этикета в училище не прошли даром, хоть и не было по ним экзаменов и контрольных работ. Просто Маше нравилось учиться чему-то новому, даже если это могло никогда не пригодиться. Но вот – пригодилось же.

«Какая же язва эта Серафима... Я бы ответила, да не так

воспитана...», – думала Маша, сосредоточившись на приборах.

Так, да не так... так, да не так... – гулко вторили ей старинные часы в гостиной.

Она не заметила, как Серафима вновь зашла на веранду. Стояла и следила за Машей пару минут, а затем так же неслышно ушла.

Катя внесла две вазы с роскошными букетами лиловых роз и поставила их параллельно друг другу.

– Ой, а мы с Костей букет не привезли. Он сказал...

– Эти розы специально заказывали, заранее. Доставили сегодня рано утром. Я их держала в подвале. Там прохладно, – Катя внимательно оглядела стол и довольно кивнула. – Остались салфетки, – она достала из деревянного серванта стопку накрахмаленных рулончиков и холщовый мешочек с кольцами. – Вот эти – именные. Видите монограммы? Такие же есть и на приборах. Их следует разложить в правильном порядке: во главе – Софья Дмитриевна, по правую руку – Костя, по левую – Серафима. Дальше обычные, но с гербом – Дарья и Аркадий, напротив – Георгий и Наташа. Жорж давно мечтает о том, чтобы его инициалы тоже были выгравированы, но Софья Дмитриевна теперь сама решает, когда и кому. Мало носить фамилию Цапельских. Да и фамилия-то у него по матери, а не по отцу, – Катя усмехнулась. – Ну и простые... Как же быть с вами, Машенька? Вы подруга Кости. Наверное, следует спросить Симу...

– Не надо, пожалуйста, – Маша покраснела. – Я сяду с краю, вот здесь, – она положила ладонь на спинку стула.

– Хорошо. А я – напротив вас, – улыбнулась Катя. – Я всегда тут сажусь, чтобы было сподручнее на кухню бегать. Так, – она взглянула на часы в кулоне, висевшие на шее, – ещё час, мы всё успеем. Хотите, я вам пока фотографии покажу? У меня свой альбом, я сделала несколько копий со старых фотографий. Архив у Софьи Дмитриевны в спальне, но она не разрешает в нём копаться. А я люблю иногда по-вспоминать былые времена.

– Конечно! – глаза Маши загорелись. Было так приятно ощущать на себе чьё-то внимание и интерес, что хотелось ответить тем же. Тем более что, как ни крути, но это была семья любимого Кости.

Катя принесла симпатичный альбом, украшенный атласными цветами и бисером.

– Я сама мастерила. Балуюсь вечерами, когда все дела переделаю.

Маша разглядывала снимки: пожелтевший картон, словно прорисованные серьёзные лица, дамы в кокетливых шляпках, мужчины в костюмах и широких галстуках...

– Вот Николай Августович и Софья Дмитриевна в Париже. Они подолгу там жили. Это было связано с его работой. А это они в Москве – Николай Августович делал доклад в академии художеств. Это Сима в молодости. Это Сашенька – отец Кости, очень тихий мальчик был... В детстве болел

сильно, от свинки чуть не умер. – Катя вздохнула. – Но характер с возрастом изменился – стал вспыльчивым. В одночасье от удара скончался... В кабинете отца, прямо у него на глазах...

Маша вглядывалась в лицо молодого мужчины, полулежащего на берегу моря, пытаясь разглядеть в нём черты Кости. Сутуловатый, с покатыми плечами, с немного застенчивой улыбкой и детским взглядом близоруких глаз – Александр Цапельский был по-своему очень привлекательным человеком. Видимо кадр был сделан случайно, без предупреждения, и Саша сильно щурился, не успев надеть очки. Вот они лежат на покрывале рядом с перевернутой книгой.

– Он женился поздно, хотя, – Катя пожалала полными плечами, – что значит возраст для мужчины? Дашенька ведь красавица писаная, да вы и сами её видели. Она немного резковата, но человек хороший. Дочка генерала МВД – делайте выводы. Отец у неё человеком жёстким, не склонным к сантиментам, был. Но Сашеньку Даша любила. – Катя замолчала, уставившись в одну точку, и Маша не торопила её. – О чём это я? А... Дашенька юная была совсем. Все поначалу противились – такой скандал разгорелся! Они познакомились случайно, у кого-то в гостях, что ли, но Дарья сразу переехала в Сашину квартиру. Симочка очень возмущалась... Какая-то дикая и непонятная ситуация в то время сложилась. А потом Даша оказалась беременной, и как-то всё, знаете, успокоилось. Костя родился здесь, в Николаев-

ском... Саша с родителями находился тогда в Германии, помогал отцу с проектом.

– Родился в этом доме? – ахнула Маша.

– Да, – Катя перевернула страницу.

– Ой, а это вы?! – Маша придержала лист за уголок. – А что это за девочка рядом с вами? Хорошенькая какая! И вот ещё... – не дождавшись ответа, Маша подняла глаза и увидела, как сморщилось Катино лицо. – Простите, я что-то не так...

– Нет, нет, Машенька, всё в порядке. Это Лёка, моя дочь. Она умерла много лет назад.

– О... – Маша непроизвольно накрыла руку домоправительницы своей.

В глубине сада раздался шорох кустов. Маша обернулась скорее на движение, нежели на шум.

– Что? – встрепенулась Катя.

Маша заметила убежавшего мужчину, которого они с Костей встретили у пруда. Перепутать она не могла, зрительная память у Маши работала отлично.

– Бомж какой-то. Извините, – Маша поморщилась. – Может быть местный житель. Мы с Костей видели его пару часов назад. Такой, – брезгливо передёрнула плечами, – с татуировками... и улыбается мерзко.

Катя резко захлопнула альбом и нахмурилась.

– Надо позвонить Борису. Он наш бывший участковый. Сначала здесь жил, потом в город уехал, квартиру купил. А

как на пенсию вышел, дом построил взамен старого, вернулся. Живёт неподалёку и присматривает за нами. Когда женщины живут одни почти всё время, за ними следует присматривать...

– Да, Костя упоминал, что он вам по хозяйству помогает...

– Борис на все руки мастер. – Катя ещё выглядела расстроенной. – А с Симой сложно найти общий язык.

– Мне кажется, что я Серафиме Николаевне совсем не понравилась.

– Сима, она... – Катя оглянулась на дверь. – Не судите её строго. Она всю жизнь при матери. Никакой личной жизни.

– Что я могу ещё сделать, Катя? – Маша взяла инициативу в свои руки. – Мы и не заметили, как время быстро прошло.

– Да, да... – рассеянно произнесла Катя и вновь с тревогой посмотрела в сад.

Около четырёх солнце ушло за крышу дома, оставив запах нагретого дерева, маслянистый налёт на листьях и умиротворяющую атмосферу. Катя зажгла противомоскитные свечи и вынесла на улицу огромный начищенный старинный самовар. Аркадий и Жорж появились друг за другом и, по просьбе Кати, занялись розжигом. Поначалу они мирно справлялись с поставленной задачей, но вскоре послышалось брюзжание Жоржа, и Аркадий оставил его одного, покрутив пальцем у виска, чем рассмешил Машу. Дарья сменила босоножки на симпатичные мюли и, пыхтя сигареткой, продефилировала мимо них по тропинке вглубь сада. Маша помогла

Кате выставить закуски и открыть вино, затем поднялась к Косте.

– Цапельский, ты спишь? – она заглянула в комнату, но Кости там не оказалось. Кровать была заправлена и лишь слегка примята. Крышка чемодана откинута, из розетки торчал шнур зарядки. Маша зашла к себе и села перед зеркалом, чтобы расчесать волосы.

...– Я не хочу больше об этом говорить! Мне хватило Софы...

Маша вздрогнула, услышав голос Кости. Видимо, кто-то ему ответил, но Маша не смогла распознать его собеседника, уж слишком тихо тот отвечал.

– Вот как? Это что, угроза? Просто бред какой-то! И чем она вам не угодила? Да отстаньте вы все от меня! – Костя злился.

Маша поднялась и тихо подошла к двери. Постояла, прислушиваясь к шагам в коридоре. Когда она выглянула, снаружи уже никого не было. Маша заглянула ещё раз в комнату Кости, затем зашла в общий душ на этаже, чтобы привести себя в порядок.

С улицы раздались звуки фортепиано, но Маша уже знала, что это пластинка, вставленная в граммофон. Запись была старой – шипела и немного заикалась. Экзальтированность дома и его обитателей просто ошеломляла. Одно было понятно – всё это делалось для Софы Дмитриевны, и теперь, когда Маша познакомилась с ней и побеседовала с домопра-

вительницей Катей, многое встало на свои места.

Внизу запахло дымком от самовара. Никаких шашлыков не предвиделось – в духовке дожидалась своего часа запечённая баранья нога с капустой и яблоками. Свет, льющийся из окон и дверей веранды, смешался с уличными и кухонными ароматами и стал похож на желтоватый сливочный крем...

Маша спустилась вниз и замерла в дверях, окутанная этим тёплым сладким эфиром. Ей захотелось раскинуть руки и нырнуть в этот свет, заполнивший гостиную. Она зажмурилась и улыбнулась, будто кошка на нагретой лужайке. Семья Цапельских была сейчас перед ней, словно на ладони. Оказывается, это так здорово смотреть на людей, не прислушиваясь к их разговорам.

Она видела Серафиму Цапельскую, которая задумчиво гладила по голове сидящего перед ней Костю. Натали – безмолвную супругу Георгия-Жоры, сидящую в тени веранды. Аркадия, отчима Кости, о чём-то оживлённо рассказывающего и подпрыгивающего на месте, отчего его соломенная шляпа то и дело съезжала на лысеющий затылок. Дарья, прислонившись спиной к стволу старой яблони, со снисходительной улыбкой смотрела на мужа, и от этого её взгляда Аркадий просто цвёл от счастья.

Жорж Цапельский, засучив рукава, пытался справиться со щепой для самовара и пропихнуть её в специальное горлышко. У него это никак не получалось, и Катя, стоявшая

рядом, пыталась помочь ему, отворачивая лицо от чадящего дыма, но адвокат лишь молча злился и отмахивался, продолжая ковыряться в самоваре. Катя смеялась и вытирала платочком слезившиеся глаза...

Эти люди были так близки, так внимательны, так нежны друг с другом... Какая же она, Маша – глупая кошка – требует внимания и обижается вместо того, чтобы просто наслаждаться прекрасным днём.

После короткой паузы граммофон негромко скрипнул, и сердце Маши отозвалось, мягко сжавшись, когда раздались первые аккорды...

«Не пробуждай воспоминаний

Минувших дней, минувших дней, -

Не возродить былых желаний

В душе моей, в душе моей...»

В бедро ей что-то неожиданно и больно ткнулось, и Маша подскочила, как ужаленная. Софья Дмитриевна держала в руке палку с резным набалдашником, которой по всей видимости и пыталась расчистить себе дорогу. Стояла она вполне уверенно на своих двоих, но Маша была готова предложить ей руку или плечо, чтобы Цапельская смогла облокотиться. Софья Дмитриевна была в длинном тёмно-сиреновом платье с кружевной отделкой и лёгкой пелерине, поверх которой сверкало кольцо. В пару к нему в ушах качались серьги. Не хватало только веера и тощей левретки.

– Мама! – Серафима, словно почувствовав присутствие

Софьи Дмитриевны, метнулась навстречу и, оттеснив Машу, взяла пожилую женщину под руку. – Ты великолепно выглядишь! Мы все тебя ждём!

Женщины медленно двинулись в сторону террасы, а Маша смотрела им вслед, всё ещё ощущая на себе неприязненный взгляд родственниц Кости.

...– Дорогая Софья Дмитриевна, королева, царица! – Жорж поднял бокал и откашлялся. – Сколько себя помню, бывать в вашем доме было для меня самой лучшей наградой. Вы и вся наша семья всегда были примером того, какой должна быть русская интеллигенция...

...Маша смотрела на Костю, который сидел рядом с Софьей Дмитриевной. Он не выглядел напряжённым, лишь немного утомлённым. Встретившись взглядом с Машей, сидящей на другом краю стола, он улыбнулся, словно извиняясь за то, что лишил её своего внимания. Маша ободряюще кивнула и тоже подняла бокал, когда все встали и отсалютовали имениннице.

Катя мягко отказалась от помощи – сама бегала за блюдами Костя сказал очень хороший тост, а Маша вдруг вспомнила о вазе, которая так и осталась стоять в её комнате. Но никто не дарил подарков, видимо, это не входило в программу застолья, и она немного успокоилась. Разговоры в основном сводились к воспоминаниям и смешным случаям, которые происходили с членами семьи, в основном, с маленьким Костиком. Софья Дмитриевна благодарила, величаво кивая

головой, и сама вскоре высказалась, обращаясь к внуку:

– Мой милый друг, ты – наша надежда и опора. – Голос её постепенно набрал силу, заставив всех прекратить трапезу и отложить вилки и ножи. – Род Цапельских имеет глубокие и крепкие корни. Мужчины нашей семьи обладают не только великолепным воспитанием, интеллектом, но и обострённым чувством долга. – Губы Софьи Дмитриевны сошлись в твёрдую линию. – Здравомыслие и понимание чистоты крови заложено в каждом из нас. И каждый из нас должен чётко следовать этим принципам, дабы сохранить исключительность и неповторимость столь славного рода...

Софья Дмитриевна так долго и пространно рассуждала о предназначении рода Цапельских, делая паузы и набираясь сил для нового витка повествования, что Маша заёрзала на стуле, не в силах больше держать прямую спину, как совершенно естественно делали остальные гости.

...– Константин стал взрослым мужчиной, который считает себя уже достаточно умным, чтобы принимать взвешенные решения...

Язвительный намёк должен был достичь цели.

«Господи, бедный Костя, – Маша подавила зевок. – Ничего, главное, пережить один вечер. Хоть бы предупредил, что ли... Сценарий бы зачитал. О таком заранее предупреждать надо».

...– Машенька, а расскажите о себе. Нам безумно интересно всё, что касается избранницы Кости, – Жорж, ловко

орудуя вилкой, подцепил сдобренный соусом кусок мяса.

– Дядя, может не надо... – обратился Костя к Жоржу.

– Так самое время, – Дарья осушила полный бокал и придвинула его к Аркадию, чтобы он вновь налил вина. В этот момент она смотрела на Жоржа странным отсутствующим взглядом.

– Не хотите? Или стесняетесь? – Жорж усмехнулся.

– Да отчего же, с превеликим удовольствием! – Маша сама не заметила, как перешла на высокопарный слог. Полдня в благородном семействе не прошли даром. Да и «избранница Кости» звучало гораздо привлекательнее и многообещающе, нежели просто «девушка». – По образованию я художник. Работаю в музее, занимаюсь реставрацией. Учусь ещё, конечно, но у меня прекрасный преподаватель и мастер, вы наверняка слышали о нём...

– А ваша семья? – перебил её Жорж.

– Семья? – Маша пожала плечами. – Обычная семья: мама, папа, брат, сестра. Раньше мы жили в городе, а потом переехали в Сажнево. Там у нас дом, хозяйство... Мама – врач, папа – мастер на фабрике. Ничего необычного.

– Вы же Мария Леонидовна Рощина? – вкрадчиво уточнил дядя Жорж и обвёл всех присутствующих многообещающим взглядом.

– Да! – Маша смущённо улыбнулась.

– То есть ваш отец – Леонид Рощин? Правильно?

– Да...

– Леонид Иванович Рошин, осужденный по статье 112 УК РФ и отбывший наказание сроком полтора года за умышленное причинение вреда здоровью...

– Подождите! – Маша вскочила под прицелом восьми пар глаз и почувствовала, как зашевелились волосы у неё на затылке. – Зачем вы... Откуда? Зачем?!

Костя ошарашенно посмотрел сначала на Жоржа, затем на Аркадия и мать, и уж только потом на Машу. Воцарилось молчание.

– Сима, передай мне соль, – Софья Дмитриевна откинулась на спинку стула и постучала пальцами по столу. На покрытых розовым блеском ногтях заиграли глянцевые блики.

Маша, тяжело дыша, на негнущихся ногах вышла из-за стола. Ничего не видя перед собой, спустилась по ступенькам и быстро зашагала в сторону рощи. Её никто не окликнул и не побежал следом, только вновь хрипло заиграл граммофон:

«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу.
И звезда с звездою говорит...»

6

Постепенно, перейдя с шага на бег, Маша миновала берёзовую рощу, обогнула пруд и понеслась дальше, не разбирая дороги. Слёзы вырвались наружу и горячим потоком хлынули по щекам, щекоча кожу. Залаяла собака – показалось, что совсем рядом. Маша дёрнулась в сторону, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из жителей Николаевского. «Провалиться бы сквозь землю, ей-богу...»

Тропинка, на которую выбежала Маша с основной дорожки, была совсем узенькой, словно по ней прошёлся кто-то непонятно зачем – впереди лишь заросшее ромашками поле. В другой бы раз Маша с восторгом нарвала букет и сплела венок...

«Сплети венок, дурочка, на могилу ваших отношений!»

Высокая трава доходила до пояса и хлётко била Машу по рукам и щиколоткам. Лишь на секунду прижав ладони к лицу, чтобы вытереть глаза, она не заметила кочку и, запнувшись, рухнула вперёд, да так и осталась лежать, вздрагивая от испуга, саднящей боли и продолжающих душить слёз.

Терпко пахло травой и нагретой за день землёй. По голой коже моментально забегали муравьи. Первый комар, удивлённо пискнув, запутался в Машиных волосах. Маша всхлипнула и перевернулась на спину. Ей показалось, что и сил уже нет – когда падала, выдохнула – и они её окон-

чательно покинули. Осталось только одно желание – лежать плашмя на колючей траве, слушая, как обитатели тропинки и близлежащих кустов тихонько шепчутся и решают, что делать с этим огромным непонятным объектом, нарушившим их упорядоченную жизнь. Лишь комары сообразили быстро – Маша сморщилась, когда почувствовала болезненные уколы, но продолжила лежать, глядя в небо.

«Господи, как стыдно... Ну почему, почему это произошло именно со мной? Может быть Костя никогда бы и не узнал об этом... Ну или когда-нибудь потом... потом... потом... Теперь всё? Почему же это случилось в первый день?! Почему так не везёт?!»

Маша тихонечко заскулила, закрыв глаза и раскинув руки, пока не почувствовала щекотание на своём лице и странный незнакомый запах. Замерев, она прислушалась. Щекотание не прекратилось, а на щеку сверху что-то капнуло.

Маша медленно вытянула ладонь над головой и успела коснуться чего-то тёплого, покрытого шерстью.

– Чёрт! – с трудом перевернувшись и встав на четвереньки, Маша увидела белую козу, которая флегматично смотрела на неё, тряся бородкой и продолжая жевать пучок травы. – Ты как здесь? Откуда?

– Из Николаевского, откуда ж ещё?

Подпрыгнув от неожиданности на всех четырёх конечностях, Маша наконец встала на ноги и развернулась.

– Люська! Напугал! Извини – Люсьен...

– А, зови как хочешь, только не бросай в терновый куст...
– парень махнул рукой. Засунув руки в карманы мешковатых серых штанов, он покусывал тонкий полевой колосок и с интересом разглядывал Машу. Остановившись взглядом на её испачканных коленях, дёрнул подбородком. – Свезла?

Маша потёрла зелёный след и поправила сарафан.

– Совсем чуть-чуть. Ладно, я пойду...

– Иди.

Маша сделала шаг, но остановилась, вдруг поняв, что совершенно не понимает, куда и, главное, зачем ей идти. Шмыгнув носом, отёрла остатки влаги с лица.

Люська достал из кармана сложенный платок и протянул Маше, но она отрицательно покачала головой.

– Бери, он чистый. И одежда чистая, только выгорела на солнце...

– Нет, я не поэтому... – покраснела Маша.

Люська усмехнулся и сунул платок ей прямо в ладонь.

– У тебя тушь потекла. Немного – здесь и здесь, – он показал на себе, и Маша улыбнулась, заглянув в его голубые глаза под светлыми ресницами.

– Спасибо, – она потёрла веки. – Чья это коза?

– Соседская. Тётки Розы. Уходит, зараза, гуляет, где хочет...

– Тётка Роза?

– Коза Белянка. Это я её так назвал, а как иначе? Смотри, белоснежная какая, как альбинос.

– Беляночка и Розочка, значит? А ты сказочник...

Со стороны рощи послышался голос Кости: «Маша! Маша!»

– Тебя ищут... – Люська отбросил стебелёк и посторонился.

Маша нахмурилась, но не двинулась с места.

– Обидели? – Люська обернулся, выискивая глазами зовущих.

– Это скорее я... не оправдала доверия, – усмехнулась Маша. – Не могу пока вернуться.

– Интересненько. И что же ты натворила?

– А... – Маша вздохнула.

«Машка, ты где?!» – Костя приближался.

Маша резко присела, скрываясь в траве и просительно взглянула на Люську. Тот, покачав головой, присел рядом. Коза развернулась и не спеша пошла вперёд, таща за собой огрызок верёвки.

– Через поле можно выйти к речке. Вода в ней всегда холодная. Ключи подземные. А так – красиво. Я иногда рисую там... – Люська кривовато усмехнулся, – хрень всякую...

– Ты? – удивилась Маша.

– А чё? – набычился парень. – После работы расслабляюсь. Думаешь, наверное, что мы здесь только пить горазды?

– Вот ещё, даже мысли не было. Пошли! – Пригнувшись, Маша засеменила вперёд. Люсьен следом за ней.

Через несколько метров, когда они уже догнали козу,

Люська прихватил верёвку и потащил животное за собой. Тропинка кончилась, и вскоре поле пошло под уклон, оставив за спиной смятую их ногами траву.

– Так где ты, говоришь, работаешь? – Маша боязливо потрепала козу по загривку.

– Я и не говорил так-то... Плотничаю. В санатории помогаю. Там теперь дом отдыха будет. Шило на мыло пытаются поменять. Хозяева новые, а идеи старые. Работы много, да смысла нет. Но по-другому здесь не заработать.

– А почему в город не уехал?

– А зачем? Что в городе-то вашем? Я бы в армию пошёл, да не взяли. Сначала за бабкой ходил, потом болячку нашли...

– Ты сирота?

– Чегой-то? Батя есть... Вернулся вот, – Люська смачно сплюнул.

Маша вздрогнула, подумав, что зря она пошла с этим парнем непонятно куда.

– Откуда вернулся? Куда-то ездил? – вяло поддержала разговор, исподволь следя за тем, что происходит вокруг и на каком расстоянии от них жилые постройки.

– Из тюрьмы. Сидел он.

Маша остановилась как вкопанная. Плечи Люськи опустились, но через секунду парень распрямился и с вызовом посмотрел на Машу.

– Что, в падлу теперь со мной общаться? Чего молчишь?

Маша пожевала нижнюю губу и взяла из его рук верёвку. Коза затопталась на месте и вдруг задрала белоснежный хвост, из-под которого градом посыпался помёт.

– Вот ё-моё! – хмыкнул Люська.

– Мой отец тоже... того... сидел, – Маша отвела глаза.

До реки они дошли минут за пятнадцать, не проронив больше ни слова. Берег был высокий, больше трёх метров, рваный, с торчащими корнями берёз и сосен. От воды действительно тянуло холодом, и даже комары здесь были прожорливее и злее. Маша моментально закрутилась на месте, отбиваясь от полчищ кровожадных тварей.

– На вот, рубашку мою накинь! – Люська стащил с себя одежду и укрыл Машины плечи. От ткани пахло деревянной стружкой и бензином. – Вот видишь, какой вид? – Люська протянул руку, указывая на другой берег, где за живописный лес садилось солнце. – Цвет какой, а? – Он замер, вглядываясь вдаль.

Маша скользнула взглядом по его рельефным рукам и груди в вырезе майки и тоже посмотрела на раскинувшийся пейзаж.

– Хорошее место. Если этюдник поставить вот сюда, – она указала пальцем на небольшую плешь метрах в трёх от них, – то перспектива откроется полностью.

В Люськиных глазах заплескалось уважение.

– Так это ж моё место! Я туточки и сижу обычно, когда рисую.

– Масло, акварель, гуашь, пастель? – Маша склонила голову, с интересом разглядывая Люську.

– Ну... У меня просто краски обычные. Как в школе рисовать начал, так и...

– Покажешь? – Маша почувствовала такой азарт, что он перебил всё её плохое настроение.

Люська радостно кивнул, но в ту же секунду сник.

– Батя дома. Я – сам-то на сеновале сплю, пока он здесь. Пьёт и буйнит. Драться лез давеча. Рука не поднялась вломить. Другой-то родни нет – терпеть надо. Думал, может в город подастся, а кому он там нужен? Опять в какую-нибудь историю попадёт. Пусть уж здесь сидит. Прокормлю. Не пил бы только... Твой тоже пьёт?

– Нет, ты что. У меня отец очень хороший, добрый...

– Понятно, – Люська хлопнул себя по плечу, оставив кровавый след после комара. – Чего думаешь дальше делать? Вернёшься?

Маша поёжилась.

– Не хочешь рассказывать, не надо. Не дурак. С семейством Костяна знаком всю жизнь. Раньше они всё время здесь жили. Ну, до зимы так точно. Вот старик ихний...

– Их... – не удержалась Маша.

– Я так и говорю – старик ихний – дядька интересный. Я за ним подсматривал, пока пацанёнком был. Придёт сюда и ходит, ходит... Смотрит, рукой водит. Я думал, он большой какой-то. А потом узнал, что архитектор. И рисует ещё

классно... У нас и картина есть евойная...

– Его... – эхом отозвалась Маша.

– Ага. Не знаю откуда. Может батя спёр? – хохотнул невестело.

«Маша!» – неслось из-за поля.

– Не охрип ещё Костька, – беззлобно заметил Люсьен.

– Отец у меня за драку сел, – тихо произнесла Маша. – Побил двоих – руку-ногу сломал... сотрясение мозга у третьего.

– За дело? Или по пьянке?

– За маму... она с вызова шла вечером, а они пристали. Мы тогда в городе жили, мама на «скорой» работала. Папа её встречал, ну и...

– Мужик! – с уважением кивнул Люська.

– Можно ведь было обойтись без драки, наверное, поговорить... Они ж мальчишки ещё совсем... Один из них сын депутата, кстати. Пьяные куражились.

– Трое?

– Да...

– Я бы тоже вломил за свою бабу. Настоящий мужик у тебя отец, запомни, – Люська с грустью посмотрел на бегущую внизу синеватую воду. – Таким гордиться надо.

– Машка! – Костя бежал к ним, размахивая руками, и Маша увидела, какое стало у него лицо – покрасневшее и обиженное.

Она быстро взглянула на Люську – он был спокоен, хоть и

не скрывал усмешку. Маша сняла и протянула ему рубашку.

– Я очень хочу увидеть твои картины, – произнесла уверенно.

– Хорошо, – просто ответил Люська и, не прощаясь, зашагал в сторону Николаевского. Коза потрусилась рядом с ним, тряся белоснежными боками.

– Машка, – Костя обхватил Машу руками с разбегу, чуть не свалив с ног.

– Задушишь, Цапельский, или утопишь... Берег крутой.

– Машка, Машка, Машка... – повторял Костя, уткнувшись подбородком ей в макушку.

Маша молчала и не двигалась, вдыхая его запах.

– Ты в порядке? Он ничего...

– Кто? Люська? – Маша отстранилась и внимательно посмотрела на Цапельского. – Ты сейчас серьёзно? Про друга-то?

– Ты мой друг, Маш, – пробурчал Костя.

– Давай просто помолчим, ладно? – Маша посмотрела в сторону, куда ушёл Люсьен, но уже не увидела его.

– Всё что хочешь... Пойдём? – Костя взял её за руку.

Маша упрямо выдернула ладонь.

– Не знаю, Кость, мне кажется, это не лучшая идея.

Цапельский кивнул.

– Я тебя понимаю. Давай обсудим всё позднее? Отдышусь только...

Они пошли к дому. Каждый шаг давался Маше с трудом,

и в то же время она чувствовала, как внутри неё появляется необыкновенная лёгкость, словно прорвало плотину с застоявшейся водой, и поток её схлынул, освободил её, дав возможность дышать полной грудью.

– Ты поднимайся, а я проверю насос для воды.

Они остановились в саду, но Костя продолжал держать Машу за руку.

– Я лучше подожду тебя здесь.

– Не уходи только, ладно? Все уже разошлись по комнатам, так что... Не бойся.

– Костя, мне не пять лет. И я не боюсь.

Когда шаги Кости стихли за домом, Маша медленно побрела в сторону веранды. Сквозь занавешенные окна второго этажа пробивался неяркий свет. Внизу было темно. Окна кухни выходили на другую сторону, и Катя, наверное, до сих пор ещё крутилась по хозяйству. Несколько часов назад Маша думала, что будет помогать ей с уборкой, что вот так, понемногу, вольётся в жизнь семьи, скромно заняв место рядом с Костей. Но получилось всё так нескромно, что об этих мечтах теперь стоило позабыть. Но что если объяснить им... Рассказать, что на самом деле произошло с её родителями, и почему отец...

...– Это всё просто невыносимо! Мне кажется, что она что-то подозревает...

Шёпот на веранде заставил Машу замереть и спрятаться за стволом яблони, в гуще огромного куста пионов. Аромат

цветов оглушил её на секунду, словно она окунулась в бочку с духами. Но всё же запах сигарет отчётливо доносился со стороны дома.

– Ну потерпи ещё немного... Как только у меня появятся деньги...

– То что? Ты думаешь, я всё брошу ради тебя?

– А разве нет? Я скоро буду очень богат, вот увидишь...

Маша услышала шаги Кости и увидела белеющее пятно его рубашки. Разговор на веранде прервался, заскрипели половицы.

Маша выбралась из укрытия и, легко ступая по траве, выбежала ему навстречу. Обняв Костю в темноте, нашла его губы. Костя сжал её плечи и жарко ответил:

– Я всё сделаю, Маш, чтобы ты осталась...

– Я останусь...

...Костя ушёл часа через три, когда темнота за окном стала потихоньку рассеиваться, а в кустах оглушительно запел соловей. Кровать нещадно скрипела под ними, но птичья трель, казалось, перекрывала даже этот постыдный звук. Впрочем, Маше было всё равно, что подумают обитатели дома и какие выводы сделают. Костя, такой горячий, требовательный и стремительный – почему она должна отказываться от удовольствия? Кто знает, как оно будет потом? Кто знает...

Она ещё слышала удаляющийся звук босых ног по коридору, затем стук двери. Уткнувшись в маленькую подушку, Маша коротко вздохнула и провалилась в сон, окутанная запахами сада и ночным птичьим концертом.

В дверь тихо, но настойчиво постучали. Маша открыла глаза, и на неё сразу же обрушились воспоминания прошлого дня, моментально стерев приятные ощущения от луча утреннего солнца, щекочущего шею.

– Кость, ты? Открыто, – приподняла голову и тут же рухнула обратно на подушку. Вставать не хотелось. По крайней мере сейчас, пока ещё так свежи в памяти и на коже прикосновения Костика.

– Машенька, к вам можно? Это я – Катя...

– Да, конечно, – Маша села на кровати, поправляя фут-

болку Цапельского. В зеркале трельяжа отразилось её курносое лицо в облаке тёмных растрёпанных волос.

Домоправительница протиснулась внутрь, неся перед собой небольшой поднос с чашкой кофе и стаканом воды.

– Катя, зачем же вы... – Маша вылезла из-под покрывала и кинулась навстречу, принимая поднос из рук женщины. Поставив его на подоконник, заметалась в поисках джинсов.

– Вы извините меня, Машенька, – Катя отвела глаза, чтобы не смущать Машу. – Я вчера видела вас с Костей, когда вы возвращались. Он так переживает, – она махнула рукой. – Такой скандал здесь был после вашего ухода. Как тогда, с Сашенькой... – короткий вздох. – Бедный Цапелька!

Маша не сдержалась и фыркнула, словно кошка чихнула.

– Вы не подумайте, Маша, я ведь всё понимаю, – Катино лицо страдальчески сморщилось, её глаза наполнились слезами. – Но мальчик... Он очень переживает, – повторила Катя. – Из-за вас...

Маша залпом выпила воду и со стуком поставила стакан обратно на поднос.

– Так-то Костя большой мальчик, поверьте. А то, что произошло, – она пожала плечами, – что ж, нельзя быть готовым ко всему. Спасибо, что не выгнали, дали переночевать.

– Да что вы говорите! – Катя оглянулась и поплотнее прикрыла дверь. – Я же вижу, как Костя к вам относится! Это... это любовь, – Катя молитвенно сложила ладони перед собой. – Вы же тоже..? Тоже любите его?

– Катя, – Маша вздохнула, – я не понимаю, почему мы обсуждаем всё это. И почему это беспокоит вас, а не его близких. То есть, я хочу сказать, что мнение семьи я уже поняла.

– То, что произошло, всего лишь недоразумение... Никто не думает, что с вами что-то не так... Я вот, например... – Катя запнулась, наткнувшись на взгляд Маши, затем продолжила. – Все сейчас собираются внизу на завтрак. Пожалуйста, ради Кости. Тихий семейный завтрак. Вы спуститесь? Поможете мне накрыть на стол? – Катя, не дожидаясь ответа, направилась к выходу.

Маше хотелось верить, что всё будет именно так, как говорит Катя, но в отличие от Люсьена, сказочницей она не была.

Маша прекрасно помнила то время, когда отец вдруг исчез из их жизни. Она училась в школе, брат и сестра ходили в детский сад.

Сначала она не понимала, что происходит. В их квартире словно выключили свет – всё время было темно и тихо. Мама часто плакала, но так, чтобы они не видели. Но Маша видела. Она и раньше была очень наблюдательна, и чем старше становилась, тем острее становились её зрение и умение замечать детали. Вообще она сильно изменилась именно за последние недели перед исчезновением отца. Стала подозрительной, собранной. Постоянно прислушивалась к разговорам взрослых и приглядывалась к происходящему. Почему соседи замолкают, когда она подходит ближе? Почему учи-

теля так пристально рассматривают её на уроке?

Это потом уже поняла, что отца арестовали. Незнакомый молодой человек, пару раз появлявшийся в их доме, оказался адвокатом Маневичевым. Приятный, обходительный, с тихим голосом и белыми гладкими руками. После его визитов мама на какое-то время приходила в себя. Но потом всё опять возвращалось – и на её лице снова застывала скорбная маска.

Когда мать была на работе, а Маша забежала домой перед походом в школу искусств, то старалась по-быстрому прибраться, приготовить что-то нехитрое вроде макарон и компота из сухофруктов.

Однажды во время приборки нашла в родительской спальне под матрасом повестки, судебные письма и копии протоколов и постановлений. Не до конца разобравшись в хитросплетениях юридического языка, остолбенела от осознания, что её отец уголовник. Но в тот день ей не хватило смелости и мозгов, чтобы поговорить с матерью по душам. Так и носила в себе эти переживания, закрывшись ото всех. Маше понадобилось почти два месяца, чтобы в момент ссоры из-за какой-то ерунды бросить в лицо мамы: мол, от осинки не родятся апельсинки. Дура, конечно... Да, видно, характер такой – вместо того, чтобы высказаться сразу, копит, пока не прорвёт. Только прорывает-то всё не в ту сторону...

Как же мать тогда рыдала! Нет бы ударила Машу, влепила бы ей пощёчину, а она завывала и сползла на колени перед ней.

Сказала, что она виновата, и что если бы по-другому показания дала, то, может, и не посадили бы отца. А следователь закрутил да выкрутил так, что она и не поняла, как всё у них с потерпевшими срослось. Отец из защитника супруги превратился в преступника. Адвокат Маневичев резину тянул, всё бумажки какие-то таскал на подпись, обещаниями кормил. С тремя детьми-то как голову разгрузишь? Одно радовалось, что недорого брал за работу, так всё равно накопленное разошлось очень быстро. Мать на ночные смены стала ходить, чтобы подработать, а Маша с малышами дома оставалась. Даже занятия в художке пришлось пропускать – не успевала брата и сестру из садика забирать.

А на суде так всё преподнесли, что мать чуть не сгорела от стыда и боли – словно это она к парням этим подошла, заигрывала с ними, а муж увидел. Отец лишь смотрел на неё и головой качал, успокаивал, а сам сгорбился и взмок от напряжения. Так ведь мало того, что за решётку упекли, ещё и платить за моральный вред и издержки суда заставили... Вроде и сумма по меркам города невелика, да не было у них денег. А потерпевшие открыто посмеивались, типа на вино да на сигареты им теперь хватит. Мать решила их городскую квартиру тогда продать и купить жильё в пригороде. Знакомые помогли со справками и документами, да и дом в Сажнево нашёлся через коллегу по работе.

Когда отец вернулся, то сразу впрягся, не стал жалеть себя. На местной фабрике нос тоже никто не воротил – в Рос-

сии живём, всё понимаем. И бывший инженер-конструктор стал мастером на ткацком производстве.

Маша окончила школу, поступила в училище. Первый год ездила каждый день домой, а потом родители в городе комнату купили в старом доме. Маленькую, но тёплую и светлую, с видом на парк. Мечта, а не комната! В кредит, конечно. Вторая комната была тоже выставлена на продажу, как поняла Маша, но покупатели почему-то не приходили, и комната пустовала. Маша с удовольствием бы сделала из неё мастерскую, но в ближайшее обозримое будущее такой возможности для себя не видела, а обременять родителей не хотела. В конце концов надо уметь довольствоваться малым.

Потихоньку как-то налаживалось всё. Но Маша не могла забыть того, что произошло с её отцом. Иногда при взгляде на родителей её просто выворачивало наизнанку. Но они были счастливы вместе, да и мелкие подрастали, и Маша не хотела тревожить старые раны, чтобы ненароком всё не испортить. Училась довольствоваться малым... Она заставляла себя успокоиться, но ворошить прошлое, но эти протоколы допросов до сих пор вставали у неё перед глазами. В своей голове Маша пролистывала их до самой последней сухой жёсткой подписи «ст. следователь Б. Е. Хвошня.»

И чего бы ей с Костей сразу не поговорить ещё там, в Сажнево? Ведь была такая мысль, но... Родители так обрадовались, когда они с Костей приехали! Брату и сестре Цапельский тоже понравился. Вёл себя так, как будто ему само-

му лет тринадцать! Язык не повернулся делиться семейными проблемами. Да и зачем? В прошлом всё... Но как же это прошлое постоянно желает вылезти наружу, словно дрожжевое тесто из кастрюли, и, как всегда, в самый неподходящий момент! А собственно почему неподходящий? Для Цапельских лучшего момента и искать не пришлось. Раз – и кончилась Маша, свалила с горизонта!

«Ну нет, так просто я отсюда никуда не денусь... Откуда же вы всё узнали?»

Маша набрала в рот воды и, положив зубную щётку в прозрачный пенал, посмотрела на своё отражение в зеркале ванной.

«Дядя Жора. Ну, конечно, он же адвокат. Навёл справки, прежде чем познакомиться лично. Когда в семье и окружении существует список достоинств, необходимых для невесты наследника, это как раз самый оправданный шаг. Адвокат! Ещё один Маневичев... – сплюнув в раковину, закрутила кран. – Хорошо, что Костик не пошёл работать юристом. Вдруг бы стал такой же сволочью.»

Ступени под ногами тоненько поскрипывали. Может быть и следовало топтать как слон, чтобы оповестить семейство Цапельских о своём приходе, но колени не сгибались, и в спину словно вставили штырь, так что пришлось держаться за перила.

Похоже, что все уже проснулись и собрались в гостиной. Маша остановилась у картины, чтобы передохнуть и на-

браться сил. Пейзаж вдохновлял, дарил надежду, но этого было явно недостаточно... Тем более, что разговоры, которые слышала Маша, касались её лично.

...— Костя, ну ты же не дурачок какой-то, что тебе придется объяснять прописные истины! — Дарья даже не пыталась скрыть досаду в своём голосе.

— Душенька, ну что ты... Костик же влюблён... — мямлил Аркадий.

— А ты вообще помолчи! И хватит жрать!

— Так отчего же, солнышко?

— Как в тебя влезает столько! У меня от всей этой ситуации аппетита нет. Жорж, скажи ему!

— Аркаша... — вяло начал Жорж.

— Да Косте скажи! Если Софья Дмитриевна рассердится...

— Дарья! — в голосе Жоржа появились предупреждающие нотки.

— Кушайте, Кока, кушайте! — Катя зазвенела посудой.

— Костя, ну чего ты молчишь? Какой ты упрямый! Не понимаешь, что мы все зависим...

— Тихо! Слышите? Кажется, идут...

Хлопнула дверь, и все заговорили разом:

— Софья Дмитриевна! Доброго утрачка! Как спалось? Чай, кофе?

По полу заёрзали стулья. Дарья, стуча каблуками, прошествовала на кухню и вернулась с баночкой творога. Следом Жорж отправился туда же, чтобы прихватить розетку с варе-

нем. Натали, словно сонная рыба, выплыла с кухни, зябко кутаясь в шёлковый шарф. Увидев Машу, быстро опустила глаза и юркнула в гостиную.

Маша прижалась к стене и вздрагивала при появлении каждого члена семьи, понимая, что стоит на самом виду.

Катя заметалась туда-сюда с блюдами и чайником:

– Я сырники сейчас ещё донесу, поспели уже. Кушайте! Что же сразу не сказали, что завтракать в гостиной будете... – она заметила стоявшую Машу. – Ты что здесь? Проходи! Видишь, как всё... – подбородок домоправительницы подрагивал.

Маша нехотя спустилась и отправилась вслед за Катей. На кухне был накрыт стол, но было видно, что часть приборов уже перекочевала в гостиную.

– Может нам уехать с Костей? – спокойно произнесла Маша.

– Нет, нет, – Катя затрясла головой и заговорила прерывистым шепотом. – Вы, Машенька, не понимаете! Не надо их сталкивать лбами! И злить не надо. Как-нибудь само... А Сима, она... такая...

– Какая? – спросила Маша.

– Принципиальная.

– В конце концов, если Костя решит, что вот это всё ему важнее, то зачем мне его удерживать?

Катя подскочила к Маше и схватила её за плечи:

– Дурочка, он же любит тебя! Он мне вчера сказал, что

ты самая-самая! Как же можно так поступать с человеком?
О господи, пойми же ты меня!

– Катя, вы меня извините, но это просто дурдом какой-то, – Маша высвободилась из объятий Кати. – Ладно. Я ещё здесь. Но я не понимаю, что мне делать со всем этим.

– Потерпи, потерпи, деточка! Дай Косте шанс, он уговорит... На вот, неси к столу, – Катя сунула в руки Маши тарелку с горячими сырниками. – А я сметану сейчас достану...

Маша вошла в гостиную и застала всё семейство за столом. Софья Дмитриевна мешала чай в высоком бокале. Рядом с ней сидела Серафима и вертела в руках салфетку. Дарья вяло размазывала творог по блюду, Жорж пил кофе, закинув ногу на ногу. Один Аркадий с аппетитом жевал сырник, сдобрив его сгущённым молоком. В воздухе пахло кофе и пионами.

Маша не сразу заметила Костю. Он сидел в кресле спиной ко входу, опустив голову, но, почувствовав появление Маши, вскочил с места.

– Константин! – Зыркнула на него исподлобья Серафима.

– Всем доброго утра! – Маша поставила тарелку на стол и взглядом остановила Костю.

– Катя, принеси сахар! – демонстративно заявила Серафима. – Где ты там? Вечно всё самой приходится делать! – Она вышла из-за стола и стремительно прошагала мимо Маши, едва не задев её плечом.

– Почему так много народу? – Губы Софьи Дмитриевны сложились в брезгливую скобку. – Кто это?

– Вот твой сахар, мама! Но не больше двух ложек, пожалуйста! – Серафима водрузила сахарницу посреди стола.

Тенью за спиной Маши прошла Катя, поставив на стол миску со сметаной.

– Сима, гостям пора уезжать, – проскрипела старуха.

– Маша, я желаю вам всего хорошего! – Первой вступила Дарья, отодвинув от себя тарелку, и отвела глаза. – Надеюсь, вы не в обиде...

Катя охнула и отвернулась к окну.

Аркадий закашлялся, подавившись куском, и потому ничего не сказал, а лишь махнул Маше рукой, на мгновение приложив её к сердцу. Милый жест, должно быть означавший, что он несказанно опечален её уходом.

– Душень... кха-кха... – схватив чашку жены, Аркадий кинул в неё пару ложек сахара.

– Кока, что б тебя! – Даша моментально переключилась на мужа. – Слипнешься когда-нибудь!

– Я уйду с Машей, – Костя выбрался из-за стола и подошёл к ней, взяв за руку.

– О, вот это я понимаю! – Аркадий отсалютовал чашкой и в несколько глотков осушил её до дна.

– Идиот! – взвизгнула Даша.

– Костя, подумай! – покраснел Жорж.

– Пусть идёт, – усмехнулась Серафима.

– А...а... – внезапно Аркадий выронил чашку и упёрся руками в столешницу. Упитанное розовое лицо его стало свинцово-серого цвета, а на толстых красных губах выступила белая пена. Он схватился сначала за горло, потом за живот и стал заваливаться прямо на стол.

– Кока, ты опять подавился? – возмущённо крикнула Дарья. – Это всё твоё обжорство!

Жорж подскочил к Аркадию и обхватил его сзади за грудь. Но Аркадий захрипел, судорожно дёрнулся всем телом и обмяк, повиснув в руках Жоржа тяжёлой бесформенной тушей.

В комнате повисла звенящая тишина, прерываемая лишь тиканьем часов и звуками падающих на пол капель кофе из перевернутой чашки Жоржа. Тихий семейный завтрак, кажется, подошёл к концу.

8

– А-а-а... – на одной ноте негромко затянула Катя и тут же захлопнула рот ладонью, сдерживая звук.

Маша почувствовала сильное головокружение.

– Костя, помоги! – Жорж дёрнул шеей и, когда Костя подхватил Аркадия под локти, рванул ворот тенниски у его своего горла. – Сима, воды!

– Вода ему уже не поможет, – Серафима, приподняв левую бровь, чуть отклонившись назад, смотрела на тело Аркадия. Вздыхнув, поднялась со стула. – Надо звонить Борису. Мама, как ты?

Рука Софьи Дмитриевны дрогнула. Она медленно опустила свой бокал на стол и промокнула губы салфеткой, оставив на ней отпечаток помады.

– Когда появится Борис, путь зайдёт ко мне в комнату. А сейчас дай руку, – Софья Дмитриевна ухватила за запястье дочери. – Не могу на это смотреть...

Мать с дочерью обошли стол и скрылись за дверью в соседней комнате. Им никто и слова не сказал, но, когда Катя сделала шаг по направлению к выходу, Жорж так посмотрел на неё, что она охнула и присела на стул Серафимы.

– Оставайтесь все на месте! – Жорж судорожно вытащил из кармана телефон. Вытерев вспотевший лоб, быстро заговорил. – Да, это я. У нас неприятность. Нужна помощь...

«Неприятность?» – Маша не могла отвести взгляда от лежащего на полу Аркадия. К горлу подступила тошнота, и тело её стало словно ватным.

Дарья, белая как мел, продолжала недвижимо сидеть за столом, выпрямив спину и глядя в одну точку. Натали замерла, закусив большой палец руки. По её щекам потекли слёзы.

– Костя, я... – начала было Маша, но Жорж резко выставил перед собой указательный палец, направив её прямо в лоб, и по слогам повторил:

– Всем оставаться на своих местах!

Маша нервно передёрнула плечами и села в тот самый неудобный стул, в котором «знакомилась» с Софьей Дмитриевной всего сутки назад. Только прижавшись спиной к атласной обивке, поняла, что колени её дрожат, а руки стали неприятно влажными. О такой выдержке, как у Софьи Дмитриевны, ей можно было только мечтать. Вот и Натали, кажется, всё больше погружается в тихую истерику. Дарье тоже не по себе, но она не отрывает глаз от Жоржа. Пожалуй, он единственный, кто понимает, что следует делать. Адвокат...

Костя поднялся с колен и вытер рукавом глаза. Маше очень хотелось подойти и обнять его, но ноги её не слушались, и всё тело словно вросло в этот проклятый стул.

Минут через двадцать со стороны главного входа послышались тяжёлые уверенные шаги. Все, кроме Маши, повернулись на звук, а она так и осталась сидеть, вцепившись в подлокотники.

– Приветствую.

От низкого глухого голоса у Маши побежали мурашки по спине.

Она скосила глаза и увидела ноги в кожаных «казаках».

Мужчина прошёл вперёд, оттеснил Костю и склонился над Аркадием.

Маша заметила крепкую загорелую шею и коротко стриженный затылок.

– Борис, тут такое дело... – засуетился Жорж. – Мы завтракали, и Аркаше стало плохо...

– В скорую звонили?

– Нет, сразу тебе... Буквально секунда... и всё.

Борис разогнулся и обвёл взглядом присутствующих. Обернувшись, увидел Машу. Лицо его не выразило удивления, а вот Маша сжалась, встретив пристальный пронизывающий взгляд. Загорелый до бронзового оттенка, с испещрённой морщинами, будто рубцами, кожей, с крупным носом и густыми седеющими бровями, Борис напоминал киношного ковбоя, если бы не толстая серебряная цепь с крестом на его заросшей волосами груди в разрезе распахнутой джинсовой рубашки.

– Это моя девушка, – Костя выдохнул и, наконец, подошёл к Маше. Хотел положить ей руку на плечо, но посмотрел на свои ладони, которыми недавно удерживал Аркадия, и вытянул руки вдоль тела.

– Ладно, – Борис усмехнулся. – Где...?

Жорж указал на дверь в покои Софьи Дмитриевны, с полуслова поняв Бориса.

– Сейчас я вызову опергруппу и врача. Ничего не трогайте, к телу не прикасайтесь. Можно накрыть чем-нибудь, чтобы не шокировать дам, – он вновь мазнул по Маше взглядом.

– Я хочу уехать! Сейчас же! Мне надо! – внезапно визгливо вскрикнула Натали, истерично заломив руки.

– Жора, объясни своей жене что к чему, – Борис сцепил пальцы и, вытянув кисти, хрустнул суставами.

– Мы дадим показания, и тогда ты сможешь уехать, – поморщился Жорж.

– А ты? – Натали дёрнулась в сторону мужа.

– А я останусь! – Жорж засунул руки в карманы. – Даше потребуется помощь и консультация...

Маша заметила, как дрогнули ресницы Дарьи, а лицо пошло розовыми пятнами.

Через час приехали сотрудники полиции и санитары. Тело Аркадия погрузили в машину, перед этим сфотографировав и записав все данные. Борис спокойно и деловито руководил процессом, словно это он был здесь главным. По сути, так и было – к нему относились с уважением и даже каким-то подобострастием.

Машу тоже опросили – но сказать ей особо было нечего. Её слова мало чем отличались от показаний членов семьи. Она лишь спросила невзрачного оперативника, который, прикусив кончик языка, заполнял бланк, – считают ли

они, что Аркадия убили. Но взгляд его, немного осоловевший, дал Маше понять, что ответа ей придётся ждать наравне с другими.

Костя ждал её в холле. Он выглядел подавленным, чего нельзя было сказать о его матери. Дарья, кажется, уже вполне пришла в себя и сейчас стояла в саду, водрузив на нос тёмные очки. С зажатой в пальцах тоненькой сигаретой, в полупрозрачном голубом сарафане она выглядела как на картинке из журнала, и надо было очень постараться, чтобы признать в ней новоиспечённую вдову.

– Хотела сказать твоей матери слова утешения... – Маша погладила плечо Кости, – но не знаю, уместно ли это... Ты как себя чувствуешь?! – она встревоженно заглянула в его глаза.

Костя моргнул, выходя из заметного транса.

– Не могу поверить в то, что произошло. Был человек и... Дикость какая-то!

Маша уткнулась подбородком в грудь Кости и тихо проговорила:

– Мутит от страха. Пока не узнаем, что случилось, наверное, так и будет.

– Я жалею, что привёз тебя сюда.

В ответ Маша промолчала.

– Костя, Дарья! – Серафима, шурша длинным платьем остановилась посреди гостиной.

Борис вышел вслед за ней из комнаты Софьи Дмитриев-

ны. Втроём они провели там достаточно много времени. Катя ходила, словно тень, вытирая глаза.

– Что, Сима? – Жорж выскочил из веранды, вытянув шею, будто долговязый гусь.

– К тебе это не имеет отношения, – Серафима вскинула голову и добавила, – во всяком случае, пока. Займись своей женой. Она достала уже всех истерикой.

Натали действительно было плохо. Она ничком лежала на диване, и спина её вздрагивала от судорожных рыданий. «Тонкая ранимая душа», – сказала Катя, укрывая Натали пледом.

Костя судорожно сжал руку Маши.

– Константин, нам нужно с тобой поговорить, – тон Серафимы не предвещал ничего хорошего.

– Началось...

– Что? – не поняла Маша. – Что началось?

Костя сжал губы и нахмурился.

– Тебе лучше не знать. А ещё лучше – отвлечься. Хочешь посмотреть картины деда? Пойдём, я покажу его кабинет.

Дверь в холле, рядом с которой стоял книжный шкаф с резными дверцами и пыльными полками, оказалась незапертой. Стояк разохся, и Косте пришлось поднажать плечом, чтобы открыть её.

– Надо починить, – заметил он, – давно не был здесь.

– Константин!!! – загремело на весь этаж.

– Иди, – шепнула Маша и сжала ладонь Кости, прежде

чем посмотреть вслед его сгорбленной фигуре.

Она попыталась разобраться в собственных мыслях. Это было сложно – перед глазами всё ещё стояла картина лежащего Аркадия, пронзительные глаза Бориса и растерянное лицо Кости.

Кажется, что всё понятно: Костя – главный наследник Цапельских. Ясно же, что семья ждёт от него продуманных решений и правильных выводов. Но сам он вряд ли готов к этому.

Маша жалела Костю. Всё это время она даже не подозревала, как он несвободен... Теперь ещё и смерть Аркадия – кто унаследует бизнес и все проблемы, связанные с ним? А проблем было предостаточно... Дарья? Вряд ли... Костя как-то упомянул, что матери бизнес Аркадия до февраля, главное, чтобы деньги бесперебойно падали на карту. В последнее время дела на фирме шли не так хорошо, как хотелось бы – сложно и дорого было достать дерево хорошего качества, фурнитура сплошь китайская, краски, лаки... Кредиты брать страшно – кому хочется попасть в кабалу? А Дарье сколько не объясняй, разговор один – знать ничего не хочу, а хочу на курорт или новую машину. Дорогая женщина, которая знает себе цену. Страшно подумать, как бы повела себя мать Маши, если бы с отцом случилось подобное. И того, что было – хватило с лихвой.

Последнее время Маша постоянно ловила себя на том, что всё время думает, как там родные, как дела у Кости, и рука

её произвольно хваталась за телефон в желании обзвонить всех и избавиться от назойливых страхов. Все люди разные, конечно. Кто знает, может быть Дарья переживает горе глубоко внутри, не вытаскивая на поверхность свои чувства, как Натали. Костя ведёт себя по-другому, не так, как мать... А она как будто сторонится его. Ну, да не Маше судить об их отношениях.

Кабинет Николая Августовича Цапельского – большой, просторный, сейчас больше всего напоминал склад. Тяжёлые зелёные шторы висели неравномерно, зияя прорехами в стыке карниза и в оторванной кое-где, некогда золотистого, а сейчас ржавого цвета тесьме. Монументальный письменный стол у окна завален книгами и бумагами. Бронзовая чернильница с засохшими внутри мухами, вся покрыта пыльным налётом, повёрнутые «лицом» к стенам картины, холсты, рулоны чертежей и горы подрамников. Два здоровых мольберта и небольшой этюдник скромно стоят в углу рядом с диваном, вся поверхность которого завалена тюбиками, кистями, палитрами и тряпками, перепачканными в краске.

Сердце Маши гулко забилося от знакомых запахов. Руки произвольно потянулись к картинам. Она, не обращая внимания на сухую грязь, моментально покрывшую руки, разворачивала их к себе, а затем отходила на несколько шагов, чтобы рассмотреть как можно внимательнее. Было слишком темно, и Маша, прислушавшись к тому, что происходит за дверью, подошла к окну и распахнула шторы.

Теперь, когда пространство кабинета наполнилось светом – неярким, рассеянным, Маша по достоинству оценила всю прелесть этого места. Но удивительное дело – картины, которые она успела разглядеть, не произвели на неё такого же впечатления, как осенний пейзаж на стене между этажами дома. Они были так же мастерски прописаны, но волшебства она больше не ощутила. Всё-таки смерть моментально оставляет отпечаток на чувствах и восприятии, погружая сознание в болезненные переживания.

Копаясь в залежах готовых и незаконченных работ, она вдруг заметила плотный пакет, обёрнутый в газету и перевязанный простой бечёвкой. Маша ощупала его края и поняла, что это холст без рамы. Придерживая одной рукой навалившиеся поверху готовые картины, она вытащила находку и прижала её к груди. Высохшая за долгое время газетная бумага моментально лопнула по краям, типографская краска осыпалась, испачкав серыми разводами футболку, но Маша уже давно не обращала внимания на подобные мелочи. Вся её одежда была в той или иной степени испачкана краской и белилами. Пару минут Маша пыталась сдержать свой порыв и поставить находку на место, но любопытство взяло верх, и она разложила добычу на столе. Аккуратно развязав концы верёвки, Маша развернула картину. Замерев, она смотрела на неё и чувствовала, как к горлу подступает горьковатый ком.

Когда что-то звонко ударилось в оконное стекло, Маша

вздрогнула и скомкала газетные листы. Она обернулась и подошла к окну, спрятавшись за висящую штору. Люсьена заметила не сразу – он стоял в тени дуба, спрятавшись так же, как и она, и шурился, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь стекло.

Маша залезла коленом на подоконник и повернула ручку рамы.

– Ты что здесь делаешь?

– Привет! – громким шепотом приветствовал её парень. – Я тебя увидел и камешек бросил.

– Поняла уже! – Маша нервно оглянулась на дверь. – Зачем ты пришёл сюда?

– Хотел узнать, что случилось. К вам менты приезжали...

– Подожди, я сейчас, – Маша махнула ему рукой, чтобы он отошёл от окна подальше, а сама вернулась к столу. Попытка опять обернуть картину газетой закончилась неудачей – газета буквально расплзлась у неё в руках. Маша, не решившись оставить её ни на столе, ни на полу, подумала о мольбертах и этюднике. Взявшись за края картины, она аккуратно подняла её и понесла в угол кабинета, не сразу увидев, как под ноги упал сложенный лист бумаги. Лишь накинув на холст кусок буро-лиловой марли, Маша подняла его и сунула в карман. Затем закрыла окно и вышла из кабинета.

На кухне шумела вода. Маша на цыпочках прошла мимо, бросив взгляд в сторону гостиной. Жоржа не было. Натали так и лежала на диване, укрытая пледом, а в воздухе тоскли-

во пахло валерьянкой.

9

Люська негромко свистнул из кустов, и Маша, подтянув джинсы, юркнула в садовые заросли.

– У нас беда, – она поёжилась, – Аркадий умер. Во время завтрака, у всех на виду... – голос её дрогнул. – Ужас просто. До сих пор руки трясутся.

– Эва... – Люська покачал головой. – Из-за чего?

Маша пожала плечами.

– Пришёл этот, Борис, быстро организовал всё, – Маша нахмурилась. – Теперь экспертиза будет. Как-то так...

– Понятно... Значит, вы ещё здесь задержитесь? – спросил Люська и бросил взгляд на дом.

– Думаю, да, – Маша почесала нос. – Я с Костей не говорила ещё на эту тему. – В её животе громко заурчало, и она судорожно прижала к нему руки. И ведь не скажешь, что после того, что произошло утром, ей на еду даже смотреть было страшно. – Извини... Это нервное...

– Понятно. А я шей вчера наварил, – задумчиво произнёс Люсьен, – щавелевых, будешь?

– Буду, – сглотнула Маша. – И хлебушка бы... А отец твой где? Не заругается?

– С николаевскими мужиками рыбачить ушёл. Ну в смысле... – он щёлкнул себя по горлу. – Вечером зайвится. Идём что ли?

– Подожди... – Маша прошла чуть вперёд и, раздвинув кусты, привстала на цыпочки, увидев в окне Жоржа.

К нему подошла Дарья и толкнула изнутри раму. Закурив, облокотилась на подоконник. Жорж поморщился. Он кивал, слушая чьи-то рассуждения, но по всей видимости они ему не очень нравились. Дарье тоже – она то и дело поглядывала на Жоржа, и глаза её выражали недоумение и растерянность.

– Софья Дмитриевна, голубушка, ну ей-богу, давайте как-то урегулируем этот вопрос... Зачем же сразу говорить о банкротстве? Быть может, небольшая дотация... Костя смог бы погасить кредит... – оторвавшись от подоконника и дотронувшись до локтя Дарьи, Жорж скрылся из виду в глубине комнаты.

...Значит, это покои старшей Цапельской. И там сейчас Костя, которого обрабатывают со всех сторон ближайшие родственники. Делят шкурку мебельного производства? Бедный Аркадий, как быстро тебя вычеркнули из семейных рядов...

– Что там? – Люська полез следом за Машей. Зашуршали листья, под ногой щёлкнула ветка.

К окну подошёл Борис. Дарья тут же выбросила сигарету и посторонилась. Борис, засунув руки в карманы, стоял и слушал тех, кто находился в комнате. Застывшее лицо его было лишено каких-либо эмоций. Он смотрел прямо перед собой, но Маше сделалось не по себе. Будто он сейчас следил за ними сквозь густую листву, а они с Люськой занимались чем-то

предосудительным или даже преступным. Но ведь они ничего не замыслили, просто...

«Рощина, он не видит тебя», – Маша чуть было не произнесла эту фразу вслух.

Не поворачивая головы, она ткнула куда-то кулаком за спину, попав Люське в грудь, чтобы он не лез и не шевелился. Затем сделала шаг назад, и уже поворачиваясь, успела заметить, как губы Бориса растянула задумчивая кривая улыбка.

«Ну и тип! Нет, бывших ментов не бывает...» – промелькнуло в голове Маши.

– Далеко ты живёшь? – Маша несколько раз обернулась, пока дом Цапельских не скрылся из виду.

– Здесь всё рядом, – коротко ответил Люська.

Маша заметила, как глухо прозвучал его голос. Люсьен прибавил шагу, чтобы побыстрее миновать пруд, и Маша еле поспевала за ним, стараясь двигаться след в след.

– У вас есть здесь магазин какой-нибудь? Мы можем заскочить, и я куплю продукты... Может тебе ещё что-то надо? – Маша нащупала в заднем кармане джинсов сложенные купюры и банковскую карту, которую так и не переложила в сумочку после поездки.

– Я что, по-твоему, нищий?! – Люська резко остановился и обернулся к Маше. – Думаешь, последний хрен без соли доедаю? Ещё ты со своей благотворительностью! Мне подачки не нужны! Поняла?

– Поняла. Ни о чём таком я не думала. Так что, не надо

на меня орать. У меня, знаешь, нервы тоже не железные! И на глазах, между прочим, человек умер, которого я знала! А Косте он всегда помогал, почти как отец! Да что я тебе объясняю... – Маша осеклась, отвела глаза и замолчала.

– Ладно, чего это мы в самом деле... – уже спокойно заметил Люська. – Бесит просто, когда разговор о деньгах заходит...

– Точно, – Маша подумала о Косте.

И словно прочитав её мысли, Люська продолжил:

– Как Костя-то? Переживает?

– Что же ты сам его не спросишь?

– Я... – Люська остановился. – Даже не знаю... Ну что я ему скажу? Ведь ничего общего между нами нет. Батя у меня бывший зек. Я работать сразу после школы пошёл. – Люсьен перепрыгнул через коровью лепёшку и указал на неё Маше. – Костя в Николаевское редко приезжал, а когда его отец помер, и вовсе перестал. Летом иногда только. Поначалу я ещё к нему бегал, пока мальчишкой был, хоть отец и ругался страшно. Хворостиной и ремнём бил. И гоняли меня от Костиного дома. Злился я, конечно, даже окно как-то разбил у них, – он усмехнулся. – А постарше стал, так узнал, что договорённость у Цапельских с моим батей была – чтобы я, значит, с Костей не общался. Тётка, Серафима Николаевна, при встрече мне сказала, чтобы я к ним не ходил. А я что, дурак, что ли? Мне один раз скажи – я пойму. Ясно ведь – не чета я Костьке. Наверное, думали, что к водке да гулянкам

приобщу, а мне, веришь, и не хотелось этого никогда... Да если бы у меня деньги были, то я б тоже учиться пошёл на художника или на архитектора. Только к дому прищипленный я много лет был из-за бабки, – Люська тяжело вздохнул.

– А твоя бабушка сейчас жива? – Маша приложила ладонь к макушке, чувствуя, какой горячей она стала от жары.

– Не, померла. Она у нас сильная была, только с головой не дружила. Уйдёт куда – до ночи ищем. А она чекушку из дома умыкнёт, выпьет, под куст свалится и спит... Чудная стала после того, как маманька утопилась...

Сердце Маши болезненно сжалось.

– Расскажи мне о маме. Какая она была?

– Расскажу – что ж не рассказать? – пожал плечами Люська. – Сколько мне тогда было, лет пять? Как думаешь, много я помню? – он остановился у невысокого забора перед домом, утонувшим в зелени старых яблонь с кривыми стволами. – Проходи, – открыл перед Машей калитку, – только у нас всё по-простому...

Маша зашла в сени и пригнулась. Ей показалось, что она сейчас заденет потолок головой – настолько низким он ей показался. В доме было прибрано, если можно так сказать о месте, где вещей и мебели не так уж много. Неровный пол со сбитыми порожками, большая печь в половину центральной комнаты, выходящая одной стороной в коридор. Тут же перед ней лежали неубранные с весны поленья. Над вьюшкой – чёрный засаленный след от копоты, под дверкой для розжига

– обуглившиеся половицы. В углу примостилась кочерга, от её ручки по стене тянулась густая паутина.

– Осмотрись, если хочется. Я щи разогрею.

На кухоньке загудел маленький пузатый холодильник, и скоро раздалось чирканье спичек и металлический скрежет кастрюли о плиту.

Маша огляделась. Отодвинула занавеску в небольшом чулане. На лежаке вдоль стены неопрятной кучей лежало скомканное шерстяное одеяло, рядом на табурете стояла стеклянная банка, до краёв набитая окурками. Запах стоял отвратительный. Картину завершали пустые бутылки в ряд и остатки копчёной рыбы в ведре.

– Не извозись, – Люська задёрнул шторку и задвинул ведро. – Отец здесь отсыпается. Привык на нарах кучковаться, вот и пытит в потолок. Может, когда отойдёт, нормальным станет, – парень задумчиво почесал затылок.

Маша прошла в большую комнату. На круглом столе стопкой лежали старые журналы с пожелтевшими корешками, чашка с отколотой ручкой и радиоприёмник «Маяк» с вытянутой антенной. Над серым затёртым диваном с ободранными уголками висел ковёр. Кайма его тоже была потрёпана, и Маша поискала глазами кошку. Сервант с посудой и вышитой дорожкой на столешнице под полками, кресло с тощей подушкой, и почему-то – детская кроватка в самом углу за печкой. Маша провела ладонью по деревянному бортику.

– Твоя?

– Да, – смутился Люська, вытирая руки засаленным полотенцем. – Наверное выбросить надо, а я не могу. Видишь, вот здесь дерево потемнело? – он дотронулся рукой до одной из палок решётки. – Я ночами плохо спал, так мать в этом кресле сидела и качала меня.

– А в той комнате что? – Маша указала на смежную дверь.

– Раньше бабка жила. Теперь я. – Люсьен достал из кармана ключ и отпер замок на двери. – Пришлось вставить, – объяснил он, – чтобы папашка не лазил. У меня особо ничего нет, чтобы продать там, или пропить... Впрочем, без разницы. Но он иногда буйный становится – заполошный. Может порушить или поджечь. Конченный... – буркнул Люська. – Гляди, если интересно. Только недолго, щи сейчас закипят.

Маша кивнула и заглянула внутрь. Она всегда чувствовала нерешительность, когда попадала в новое место. Но это, наверное, присуще всем, кто ценит первое впечатление. Она не обращала внимание на цвет или запах, ловила лишь мимолётное настроение, которое возникало при взгляде на чьё-то жилище. В комнате Люськи жили воспоминания. Здесь до сих пор присутствовала его бабушка – скорее всего, вязанный жилет, висящий на спинке стула, принадлежал именно ей. Комнатка была небольшой, и Люське следовало бы избавиться от половины того, что в ней находилось, но эти вещи – старые, использованные, кое-где испорченные временем и людьми, видимо являлись для него спасительным якорем.

Рисовал Люська на письменном столе, воткнутом между шкафом и стеной перед маленьким низким окном. Он не врал – никаких особых художественных приспособлений для работы у него не было. Обычные пластмассовые коробочки «Медовой акварели», которую Маша помнила со времён первого класса, несколько баночек цветной гуаши, жёваные кисти в захватанном гранёном стакане, тоненькие альбомы и листы ватмана.

Над кроватью висели несколько фотографий. Новые рамки выделялись своей аккуратностью на фоне выцветших и кое-где вздутых обоев, а чёрно-белые фотографии были старыми, с заметной зернистой структурой. Стёкла немного бликовали, и Маша подошла поближе. Упёрлась коленом в край кровати, чтобы лучше их рассмотреть. На одной, по всей видимости, бабушка и дед Люськи – простые уставшие лица с резко очерченными скулами и тенями под глазами. Фотография родителей со свадьбы – привычный постановочный кадр, где жених и невеста напряжённо смотрят в камеру. Сейчас уже так никто не снимает – в моде гламур, яркость и презентабельность. А вот – фотография Люськиной матери во время беременности – словно другой человек! Даже сквозь дымку плохого качества снимка заметно, как светятся её глаза, и какая она красавица – те же скулы и великоватый рот, как у её отца, широкие тёмные брови, как у матери, длинные чёрные волосы и тонкая фигура – было что-то в ней необыкновенно притягательное, отчего хотелось смот-

реть и смотреть, задумываясь о быстротечности и безжалостности времени...

На противоположной от окна стене – резная полка, явно сделанная Люськой. Завитки тщательно выпилены и ошкурены, кое-где ещё видны следы простого карандаша, которым Люсьен делал пометки. От полки пахло деревом. На её поверхности скопилось много всякого добра – книги, инструменты, безделушки, каменная фигурка рыбки с золотыми плавниками, покрытая слоем пыли так плотно, что глаз её почти не было видно. Маша щёлкнула рыбу по носу и легонько дунула на неё.

– Пошли уже, – Люська стоял в дверях и моргал своими светлыми ресницами, держа в руках половник.

– Ты про эту картину говорил? – Маша посмотрела на небольшой пейзаж, висевший сбоку от полки. Берёзовая роща – хоровод тонких стволов в предзакатной дымке. – Красиво...

– Ну, – согласно кивнул Люська.

Маша попыталась рассмотреть в углу подпись, но она была так мала, что пришлось бы снять картину со стены, чтобы различить буквы. Но раз Люська говорит, что это работа Николая Августовича, значит так и есть.

Люська накрыл на стол, разложив на тарелке зелёный лук с белыми головками и тоненькими стрелками, несколько мокрых редисок, пушистый укроп и крупно порезанные ломти серого хлеба. Рядом с пузатой деревянной солонкой

поставил банку «Русской» горчицы, и сразу же густо намазал ею хлеб. Над глубокими мисками со щами поднимался густой пар. Закинув полотенце на плечо, Люська хлопнул в ладоши и пододвинул Маше табуретку.

– Так-то сюда ещё яйцо надо, но я утром его съел, – извинился он. – Кабы знал, что гости будут! Садись! Ещё сметана, – засуетился он перед холодильником, и через мгновение в Машину тарелку с хлюпаньем упал жирный холодный ком деревенского деликатеса.

– Ого! – Маша схватилась за ложку.

– У тётки Розы беру. У неё самая вкусная сметана. И молоко, и творог.

– Отлично ты готовишь, – Маша с аппетитом ела постные щи и ломала кусок хлеба, макая мякиш в горчицу.

– Еда – одно из главных удовольствий в жизни, – важно ответил Люська, с шумом выпивая остатки щей через край тарелки.

– Это точно, – хмыкнула Маша и тут же продолжила, – я видела твои рисунки. Тебе надо учиться.

– Что, совсем плохо? Ну так мы университетов не кончали! – буркнул Люська, собирая посуду.

– А ты обидчивый... – Маша закрутила банку с горчицей и протянула её Люське. – На обиженных воду возят, знаешь? Учиться надо, чтобы не застрять. Ты очень хорошо чувствуешь оттенки и полутона. Честно скажу, мне они давались нелегко. Но я их потом стала видеть, когда родители за го-

род жить переехали. А ты здесь родился, видишь эту красоту с детства, можно сказать, выпитал с молоком матери... – она замерла, но Люська слушал её очень внимательно. – Я вижу в твоих работах характер, и чувствую, как тебе важно достичь самовыражения через картины. Это замечательно и, на мой взгляд, необходимо для любого творца, но следует знать каноны, историю, чтобы двигаться вперёд, развиваться...

С улицы раздался какой-то грохот, словно с крыши упало ведро с камнями. Люська дёрнулся всем телом, едва не уронив тарелки, затем не глядя поставил их в раковину. Ни слова не говоря, кинулся в коридор. Маша осталась сидеть, пока входная дверь не хлопнула. Снова послышались шум и возня. О стену что-то ударилось. Маша вскочила, соображая, что предпринять. Вспомнив о кочерге, понеслась в коридор. Как только закопчённая железная палка оказалась у неё в руках, она протянула руку к ручке входной двери. Но дверь сама распахнулась ей навстречу, и спиной ввалился Люська, а почти верхом на нём мужик в наколках, в котором Маша сразу же узнала незнакомца у пруда.

– А ну отпусти его! – пискнула Маша, замахнувшись кочергой и содрав с потолка кусок краски.

– Иди отсюда! – хрипло крикнул Люська, и Маша увидела красное пятно, которое расползлось под его глазом.

– Но... – Маша стиснула зубы.

– Иди, – сдавленно процедил Люська, с трудом затаскивая пьяного отца в чулан. – Я вечером зайду...

– С-с-суку завёл?! – мужик стал вырываться, дрыгая ногой в сторону Маши. – Я вас, тварей, всех...

Раздался такой оглушительный мат, что Маша, отбросив кочергу, выскочила за порог. Остановившись за дверью, она несколько раз глубоко вдохнула. Через минуту за её спиной опять что-то рухнуло и покатилося. Маша сделала несколько нерешительных шагов к калитке, стиснув ладони в кулаки. Дверь распахнулась, ударившись о стену, и пьяный мужик, раскинув руки и раззявив щербатый рот, кинулся в сторону Маши. Люсьен, споткнувшись, упал, не успев ухватить отца за ногу.

Взвизгнув, Маша за долю секунды оказалась за калиткой и тут же уткнулась в чью-то широкую грудь.

– А ну, цыц, зар-р-раза! – прогрохотало над её головой. – Эх, Валера, недолго ты у меня воздухом свободы дышать будешь...

Горячая ладонь сильнее прижалась к Маше и затем пробежалась по её рёбрам.

– Интересное кино... – вкрадчиво произнёс Борис прямо над ухом Маши.

Маша вышла к реке и остановилась. Обхватив себя за плечи, постаралась успокоиться. Оттолкнув Бориса почти сразу, она понеслась прочь. Но до сих пор ощущала крепкий хват его рук на своём теле, видела поросль курчавых волос от запястий до локтей, чувствовала запах его одеколona на своей одежде, и от всей этой ситуации ей было мерзко, словно она вляпалась в горячую навозную жижу.

Маша была симпатичной – на неё обращали внимание из-за ладной фигурки и широкой улыбки. Она даже пару раз отбивалась от настойчивых ухаживаний своих однокурсников, но это было совсем другое... То, как Борис посмотрел на неё – насмешливо и со значением, как его пальцы пробежались по её спине, зацепив ляжку бюстгалтера, заставило её усомниться в реальности происходящего. Сколько ему лет? Он, наверное, даже старше её отца! Но какая сила, энергетика... Что в этом бывшем менте такого, что воздействует подобным образом? Возраст, опыт или какие-то профессиональные штуки, о которых она, Маша, даже не догадывается? Это с их помощью он подчиняет людей и заставляет делать то, что он хочет?

Маша выдохнула и посмотрела с берега вниз, на бегущую воду. Сейчас бы окунуться в ледяную синь и смыть события, ощущения, болезненную нерешительность и вязкую

муть этого дня. Маша поискала глазами спуск. Он был дальше, метрах в ста от того места, где рисовал Люська, а много лет назад – Николай Августович. Спуск был крутой, почти отвесный – вряд ли он пользовался местными по назначению. Кому взбрѣдет в голову, цепляясь за корни, рисковать ногами и руками.

Ей так захотелось увидеть Костю, обнять его, но идти в дом было свыше её сил. Маша села на край склона так, чтобы ступни повисли в воздухе, а затем легла на спину, уставившись в подѣрнутое облачками небо.

Надо было оставить всё в прошлом и жить, просто радуясь солнцу...

«... цветущие сады, тёплые ливни и жаркое солнце – так неспешно благоухает запахами в сочных красках лето в картинах Левитана, Пластова, Поленова, Шишкина...» – голос Фѣдора Кузьмича Балясина, её учителя, немного надтреснутый, но такой плавный и успокаивающий, зазвучал в голове Маши как нельзя кстати. Его лекции в просторной и всегда прохладной мастерской, возвышенно-утончѣнное отношение не только к искусству, но и к тем, кто только начал свой путь в нём, заполнили Машину жизнь, отодвинув в сторону неприятные и болезненные моменты, которые были связаны с семьѳй.

«Нет, вы, конечно, можете пойти и по стопам Фрейдера, согласовать ваше видение прекрасного через обнажѣнную натуру, но даже здесь важнее всего будет, всё-таки, психологи-

ческий портрет...»

Вот и она мечтала заняться именно портретной живописью...

«...так кто, по-вашему, может назвать себя художником, друзья мои? Я вам скажу – любой, кто может что-то сказать этому миру! И не важно, что это будет – большое полотно, клочок бумаги, зарисовка, эскиз или простая салфетка! Любая из ваших работ несёт в себе ваши мысли, эмоции, идеи. И каждая из них навсегда останется с вами, как верный друг, который расскажет о вас, когда вас не будет...»

Рука непроизвольно потянулась к карману джинсов. В мозгу что-то щёлкнуло, заставив вытащить лист бумаги из кабинета Николая Августовича Цапельского.

В том, что это было письмо, Маша не сомневалась. Она расправила на коленях желтоватый листок, слежавшийся от времени на сгибах, и посмотрела по сторонам, словно кто-то мог догадаться о том, что она читает чужое послание.

«Душа моя, Радость моя, Боль моя,

Я помню всё, что было... Чувство вины теперь постоянный мой спутник. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Люблю»

Маша перевернула лист, но больше не нашла никаких записей.

Совершенно неожиданно подул резкий ветер. С северной стороны, словно живая, неслась тяжёлая туча. Воздух наполнился озоном, и Маша поняла, что, если она не хочет про-

мокнуть с головы до ног, ей придётся идти в дом Цапельских. Аккуратно сложив письмо и засунув его обратно в карман, Маша ещё раз задумчиво посмотрела на бегущую под ногами воду.

Катю она заметила не сразу – женщина вывернула с тропинки, когда Маша пересекала ромашковое поле. В одной руке у Кати был бидон, в другой – сетка с яйцами. Катя торопливо перебирала полными ногами, и волосы на её шее, под собранным пучком, прилипли к коже влажными завитками.

– Катя! – Маша легко подбежала к женщине и ухватилась за ручку бидона.

Катя дёрнулась. По краю бидона закудрявилась молочная пена.

– Ах! – домоправительница потянула бидон к себе, и Маша увидела её испугано – выпученные глаза.

– Это же я... – Маша одёрнула руку.

– Прости, – на губах Кати появилась слабая улыбка. – А я подумала... – она тревожно огляделась. – Гуляла? Правильно... Здесь красиво... – Катя протянула Маше сетку с яйцами. – А молоко я сама понесу.

– У Розы брали? – Маша вспомнила имя хозяйки, которую нахваливал Люсьен.

– Да... – удивилась Катя. – Откуда ты знаешь?

– Мне Люська рассказал, – брякнула Маша. Следовало бы спросить о том, что происходит в доме, но Маша понимала,

что если бы Катя хоть что-нибудь знала, то непременно сказала бы ей об этом.

Катя, казалось, не обратила на её слова никакого внимания. Она торопливо шла, придерживая крышку бидона средним пальцем, и Маша продолжила:

– Вы же знаете Люсьена? Меня с ним Костя познакомил. Мы встретились в берёзовой роще. Хороший парень, юморной... И знаете, рисует отлично!

– Да, да... – Катя остановилась и внимательно посмотрела на Машу. – Ты уж аккуратнее. У него отец уголовник... И вообще...

Маша хмыкнула, покачав головой.

– Я тебе точно говорю! – Катя даже притопнула. – Как его только земля носит?! А Люську жалко, да. Ты ведь знаешь про его мать? Думаешь, почему она это сделала?

Маша пожала плечами. Вот уж об этом она совсем не думала – мало ли причин у людей закончить свои дни подобным образом?

– Я помню её – красивая, – Катя нахмурилась. – Особо мы не общались, конечно, да и времени не было у меня совсем... Моталась между Николаевским и городом. Моя дочь, Лёка... – Катя моргнула и тряхнула головой, словно опомнившись. – Ах да, о чём это я? Зина... Этот муж её, Валера, редкостная сволочь! Прости меня, Господи! По молодости гуляка был, девкам нравился! Как она с ним жила, не знаю... Наверное, на сколько сил хватило, а потом... Может он и до-

вёл он её до страшного. Ведь все поначалу говорили, что она убежала. Но как же ребёнок? – Катины глаза повлажнели. – Пока не нашли тело, ругали её на чём свет стоит. Ну мало ли чего в жизни не бывает? Зачем же творить-то с собой такое?! – в сердцах закончила Катя и перевела дыхание.

Первые крупные капли дождя, тёплые и желанные, упали в траву и Маше на нос. Они с Катей прибавили шагу и очень быстро оказались у пруда.

– Нашли-то её недели через две, представляешь? – Катя инстинктивно вжала голову в плечи, когда льняное платье на её спине покрылось мокрыми пятнами. – Видно за корягу зацепилась. Ужас такой... мальчишки купались, а тут она! Борис тогда этим делом занимался... Ничего-то от Зиночкиной красоты не осталось... Раздуло бедную. Но она, я тебе скажу, тоже со странностями была. Чудная – вечно по лесам да по полям бродила. Или сядет вот тут, у пруда, и смотрит перед собой, улыбается чему-то... Да... Хорошо, хоть мальчонку родила нормального, а то, что взять с такого отца? Ну да родила, и хорошо... Но вот как можно было сына Люсьеном назвать? Где и имя-то такое выискала...

Тяжёлые капли ещё продолжали падать, пока они шли через рощу, но солнечные лучи уже пробивались сквозь облачные просветы, согревая их мокрые плечи.

– Надо вот теперь поминки устраивать... – вдруг задумалась Катя. – Что там Серафима Николаевна решит...

– А разве не Дарья должна? – выдохнула Маша, увидев

деревянную стену веранды.

– Ну да, конечно, – кивнула Катя. – Только ведь и здесь тоже соберёмся Аркашу проводить. По-людски надо...

Маша приподняла брови и искоса взглянула на домохозяйку. Неужели она серьёзно заявляет об этом? А что, если среди них сейчас человек, который отравил отчима Кости?

– Когда же будут известны результаты экспертизы? – осторожно спросила она.

– Борис сказал, что ускорит, – со знанием дела заявила Катя и утёрла лицо пухлой ладонью.

В холле они встретили Серафиму. Скользя взглядом по Маше, она ничего не сказала, лишь коротко кивнула и скрылась в гостиной.

Маша вбежала на второй этаж и постучала в дверь Костиной комнаты.

– Где ты была? – обиженно произнёс Цапелский и шмыгнул носом.

– Плохо тебе? – Маша подошла к сидящему на кровати Косте и прижала его взъерошенную голову к своей груди. – Я твою тётю сейчас видела. Но она ничего не сказала. А ещё я в гостях была. Угадай, где?

Костя отстранился и уставился на неё своими тёплыми карими глазами. «Как телёнок, ей-богу!» – грустно умилилась Маша.

– У Люсьена была, представляешь? Ой, что там было...

Отец его пришёл пьяный, избил Люську, за мной погнался...
– Маша вздохнула.

– Ты, что, с ума с-сошла? – произнёс Костя и вывернулся из-под её рук. – А если бы что-то случилось, и он...

– Там Борис был этот, ваш, – процедила Маша и пере-дёрнула плечами, – остановил его. А Люська... Ой, Костя, а вдруг он на Люську опять с кулаками полез?! Отец его хоть с виду и неказистый, но цепкий и злой. Такой может всё!

– Ты предлагаешь мне пойти спасти Люську? – усмехнулся Костя. – Да он и сам горазд на многое, уж поверь! Ничего ты о нём не знаешь! Он себя в обиду не даст.

Маша округлила глаза.

– Ничего не знаешь ты, Цапельский, как я посмотрю! И знать, по всей видимости, не хочешь! – Маша развернулась на пятках и вышла из комнаты.

Пришла к себе, перевесила плечики с сарафаном на оконную раму, чтобы он проветрился, затем упала на кровать и укрылась с головой покрывалом. «Это нервы. Всё пройдёт... Надо держать себя в руках.»

Скрипнула дверь, и Маша чуть отодвинулась к стене. Костя лёг боком, обхватив её за талию, и жарко задышал в шею.

...Они вздрогнули оба, когда через окно в комнату что-то влетело и упало на пол, громко стукнув. Надо же, как сморило и её, и Костю. Маша приподнялась на локте и ткнула Цапельского:

– Ты слышал?

Костя нехотя поднялся, подошёл к окну и перегнулся через подоконник. Маша протёрла глаза – вечерние сумерки укрывали сад, словно проглотив несколько часов, как будто их и не было.

– Не вижу ничего, – прошептал Костя.

– Дай я посмотрю, – Маша почему-то уже догадывалась, что это никто иной, как Люська. Вот только остался ли он стоять под окнами, увидев Костю? Она оттеснила Цапельского и негромко свистнула.

Кусты зашевелились, и светлая голова Люсьена замаячила внизу.

Маша повернулась к Косте. Тот ошарашенно переводил взгляд с неё на Люсьена.

– Пойдём, Цапельский. Люська уговаривать не будет.

Они спустились вниз и проскользнули мимо дверей гостиной, где в этот момент находились оставшиеся члены семьи. Цапельские сидели молча, играли в карты, и лампа под кружевным абажуром, стоявшая посреди большого стола, отбрасывала тени на стены и лица присутствующих. У Маши мороз по коже прошёл, когда она увидела Софью Дмитриевну – восковая кожа её светилась в тусклом свете сквозь голубоватый дым трубки.

«Репетиция поминок...»

– Привет! – Люська демонстративно держал руки в карманах.

– Привет, – ответил Костя.

– Ты как узнал, где моя комната? – удивлённо спросила Маша.

– По сарафану, как ещё? – усмехнулся Люська. – Он тебе очень идёт.

– Какого чёрта? – начал Костя. – Ты, вообще, в курсе, что...

– Тихо, тихо! В курсе он. Как твой синяк? – Маша протянула руку к лицу Люськи, но он дёрнулся в сторону и, шагнув, скрылся в тени. Оттуда уже глухо произнёс:

– Пошли к реке. Я там веток накидал днём ещё. Костёр разожжём. Может, это, – Люська обратился к Косте и кивнул в сторону освещённого входа, – хлеба возьмёшь? Пожарим...

Маша дёрнула Костю за рукав, и он, ещё немного подумав, согласился. Но потащил с собой и Машу, словно боялся оставить её с Люсьеном.

Они дождались, когда Катя с подносом уйдёт в гостиную, и успели за пару минут прихватить батон хлеба и выйти незаметно из дома.

– Вот зачем я это делаю? – бурчал Костя, двигаясь вслед за Машей, которая шла за Люсьеном. – Чего вы добиваетесь?

– Не нравится – возвращайся, – ответила Маша и всё же скрестила пальцы на обеих руках. Она была так благодарна сейчас Люське за то, что он пришёл и нашёл в себе силы поддержать Цапельского. Ну не получится, значит не получится... Маша подумала о том, как это важно и нужно, когда

находится человек, готовый выслушать тебя в трудную минуту... Такой, как Фёдор Кузьмич, или Катя, или Люсьен...

Идти в темноте было странно и немного боязно, но Люська шёл твёрдым шагом, раздвигая руками высокую траву перед собой.

Они вышли к реке. Костя стоял, сложив руки на груди и наблюдая за тем, как Люська разжигает костёр. Тот деловито сложил припасённые ветки, чиркнул спичкой, спрятав огонёк между ладонями, и поднёс его к древесной коре. Слабый огонёк на мгновение замер, а затем с любопытством побежал по веткам. Когда Маша стала насаживать на сучок куски хлеба, Люсьен остановил её:

– Смочи водой сначала, а то сгорит. На вот, у меня здесь бутылка с водой.

– С водой? Не с водкой? – желчно встрял Костя.

Люська фыркнул, но промолчал. Маша показала Косте кулак и присела около костра, набирая в ладонь воду.

– Всё время думаю о том, что произошло сегодня. Что могло случиться с Аркадием?

– Не знаю, – Костя подкинул в огонь несколько веток.

– Не торопись, дай разгореться, – Люсьен присел на корточки и подул в центр костра. – Может, сердце?

– Не жаловался вроде... – Костя отпил из бутылки.

– Так внезапно, – шёпотом проговорила Маша.

Они замолчали на некоторое время, и отблески костра заплясали на их лицах.

– Я отойду на минутку, – Костя встал и покрутил головой.

– Недолго только, а то угли жевать будешь, – Люська перевернул кусок хлеба.

– Прожую, – Костя направился к полю.

– Куда ты? – вскинулась Маша.

– Отлить мужику надо, чего взъерошилась, – Люська подкинул ещё веток и вздохнул. – Зря я вас сюда позвал. Видишь, как его колотит.

– Ничего не зря! Ты молодец! Костя он... Надо просто поговорить с ним...

– Ага, чтоб потом, когда он меня послать решит, уже не так обидно было...

Раздался вскрик. Они оба подняли головы и посмотрели в ту сторону, куда ушёл Костя.

– Кипяток пошёл – ноги ошпарил... – Люська поворошил тлеющую кору.

Маша закусила губу и отвернулась.

Костя бежал к ним, на ходу застёгивая брюки.

– Твою ж... Там! Люська! – крикнул он, махнув рукой.

– Ну? – Люсьен поднял голову. Свет от костра упал на его лицо, отчего красное вспухшее пятно под глазом стало почти багровым.

– Отец твой... – Костя тяжело дышал.

– Сюда идёт? – Люську перекосило.

– Нет... – Костя был белее мела. – Лежит там.

– Пьяный? Спит? – испуганно произнесла Маша.

Костя помотал головой.

– У него нож... – он указал пальцем себе на грудь, и Маша, подскочив, ударила его по руке, а затем дунула на свою ладонь по детской привычке.

Они переглянулись, а затем посмотрели на вспыхнувшие куски хлеба, которые стали быстро превращаться в угли.

– Почему вы всегда звоните Борису? – прошипела Маша, когда Костя достал телефон.

– Он лучше всех понимает, что делать в подобных случаях. Как там Люська? – Костя разблокировал экран.

Люсьен стоял чуть поодаль. В темноте Маша не могла прочитать выражение его лица – видела лишь бледный абрис и опущенные вдоль тела руки.

– Как сам-то думаешь?! – Маша сделала шаг по направлению к лежащему телу. – Посвети мне!

– Твою ж дивизию, Роцина! – Костя попытался её остановить, но затем сдался и направил луч фонарика телефона.

– Не трясись, сфокусируйся! – У Маши сбилось дыхание.

Костя обхватил запястье ладонью, удерживая сотовый, когда она всем телом выгнулась вперёд. Да, сомнений не оставалось – это был отец Люськи. Раскинув руки, мужчина лежал навзничь, а из груди торчала рукоятка ножа. Маша сделала ещё один шаг, но Костя дёрнул её за рукав, приказывая оставаться на месте. Коротко переговорив по телефону, он обхватил её, не давая даже пошевелиться.

Машина остановилась за полем – они увидели свет фар задолго до её появления. В домах, стоявших почти в километре от них, горели только пара окон. В Николаевском ложились рано, максимум смотрели телевизор до девяти, и Маше

это не казалось странным, потому что родители тоже быстро переняли эту деревенскую привычку вставать с петухами. Ей же, горожанке, впрочем, как и Косте, по душе были именно ночные посиделки. Маша порою засиживалась за набросками далеко за полночь, когда Костя уже похрапывал, обложившись планшетом, телефоном и кипой бумаг.

– Слушай, а... – начала было Маша, но Костя, выпустив её руку, пошёл навстречу прибывшим. Маша осталась в темноте.

– Что, детишки, – Борис, всё с той же ухмылкой, появился первым со стороны тропы, по которой они пришли пару часов назад, – нельзя вас одних оставить, а?

Маша не ответила, а затем и вовсе встала рядом с Люськой. Костя покрутил головой и снова взялся за телефон. Сказав несколько фраз вполголоса, позвал Машу:

– Пойдём домой, Мань. Борис Егорович туда приедет позже. Нас все ждут...

«Нас? – Маша внутренне напряглась. – Опять решат, что это я, дрянная девчонка, увела бедного Цапелку, и поэтому он оказался в дурной истории... эх!»

– Пошли, – просто сказала она, а затем спохватилась, – подожди, а как же Люська? Что ему теперь делать?

– Сначала с нами здесь побудет, – Борис потёр крупные ладони. – Расскажет – кто, куда, когда, откуда, почему, зачем и как...

– Тогда и нас сразу опрашивайте! – встрепенулась Маша. –

Мы вместе пришли!

– Так прямо вместе и пришли? И ничего не видели? – глаза Бориса пристально рассматривали Машу.

– Нет, не видели. Мы сюда даже не заглядывали, – растерялась она.

– А кто вас сюда позвал и привёл?

Маша в недоумении посмотрела на Люську.

– Придётся на носилках тащить, тут канавы кругом, не проедем, – встрял оперативник.

– Дотащим... – Борис с хрустом потянулся и подмигнул Маше.

– Люсь... Люсьен, ты как, сможешь один дома? – Маша дотронулась до руки Люськи. – Справишься?

– Подумаешь, – буркнул он и вскинул подбородок. – Только я ничего такого... – голос его дрогнул. – Я, наоборот хотел, чтобы батя...

– Разберёмся. И вы не переживайте. Одиночество ему, в ближайшее время, не грозит, – глухо произнёс Борис, и Маше опять стало не по себе от его пронзительного взгляда.

Костя обнял Машу за плечи, и обратно они пошли долгой дорогой, через всё Николаевское. Словно прочитав её мысли, Костя выбрал именно этот путь. Он молчал и погрузился в себя, не отвечая на её фразы и вопросы. А Маша рассуждала вслух:

– Мы бы услышали, если бы убийство произошло при нас... Ведь ни шагов, ни вскрика... Может это его бывшие

подельники? Кстати, ты разглядел нож? Тебе ничего не показалось странным? Я вот подумала... Нет, это у меня, наверное, всё в голове перемешалось... Не обращай внимания.

Катя стояла на широком крыльце, приложив руки к груди. В свете фонаря над её головой кружили ночные насекомые, и свет дрожал, словно живой. Услышав их шаги, Катя спустилась со ступенек и пошла навстречу. Когда Костя вошёл в открытые ворота, домоправительница кинулась к нему, стала гладить его по плечам и заглядывать в глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.